

Жребий брошен

Автор:

[Егор Токарев](#)

Жребий брошен

Егор Александрович Токарев

Эпоха расцвета прошла, мир вновь погружается в темную эру войн и междоусобиц. Республику разрывают общественные и политические кризисы, перерастающие в бунты и кровавую гражданскую войну. Прославленный генерал, объявивший войну коррумпированному сенату, офицер легиона, жаждущий безупречной службой обелить честь рода, и юноша, состоящий в группе заговорщиков вместе со своей любимой, пытаются выжить в борьбе за власть по разные стороны конфликта. Жернова судьбы безжалостны к жизням смертных, и горе побежденным!

Егор Токарев

Жребий брошен

«Высшая законность —

это высшее беззаконие.»

Марк Туллий Цицерон.

«Жребий брошен!»

Гай Юлий Цезарь.

Пролог

Теплое весеннее солнце светило над древним городом. Солнечные зайчики играли на белоснежных мраморных колоннах зданий, яркие блики перескакивали с дома над дом, создавая причудливые узоры, вселяя в сердца радость и умиротворение. Фонтаны на городских площадях свежей прохладой стирали последние следы дневного зноя. Богатые горожане прогуливались по паркам и цветущим аллеям или расслаблялись, комфортно расположившись на роскошных террасах своих особняков. Обычные граждане возвращались с работы к семьям и вместе ужинали. Бедняки и нищие выползали из своих углов, собираясь на улицах, где в кругу обсуждали всевозможные сплетни. С наступлением вечера подворотни, переулки и трущобы наполнились осторожными шепотками и зловещими тенями. Огромный столичный город жил своей жизнью. Все отдыхали. И только в древнем здании Сената страсти не утихали ни на минуту с того момента, как алый закат окрасил восток.

– Послать солдат! Ввести легионы на север! – брызжа слюной, кричал благородный сенатор Гней Орил. Он встал со своего места и теперь, потрясая толстым пальцем, пытался перекричать всех присутствующих в зале людей. Его изысканная одежда, сшитая по последней моде, на нем выглядела, словно огромного борова облачили в скатерть.

– Да, правильно! Надо показать этим предателем и сепаратистам, что ждет таких, как они! Раз и навсегда стереть всех бунтовщиков с лица земли, – сенатор Лакс всегда следовал за своим другом и товарищем. По крайней мере, ему так казалось. На самом деле Лакс был обычной пешкой, мелкой сошкой, всегда поддакивающей и соглашающейся с человеком, занимающим более высокое положение.

– Вы не понимаете о чем говорите, – спокойный голос человека, привыкшего командовать, смог сделать больше, чем вопли других. – Мы не в состоянии разбить сначала Юния, а затем организовать поход в земли сепаратистов. У нас не хватит ресурсов. Не считая того, что почти все лояльные нам легионы ведут пограничные бои на юге. – Возражал ему человек с налысо обритой головой и

ярко-голубыми глазами. По всему его виду сразу становилось понятно, что он не привык вести долгие дебаты в здании Сената, а после придаваться излишествам в роскошных особняках. Шрамы на лице говорили о том, что мужчина лучше себя чувствовал себя в доспехе воина, а не в алой накидке сенатора.

– Да, Корилл прав. Надо договориться, мы же цивилизованные люди, – проблеял Сенатор Панс, своей козлиной бородкой, торчащими ушами и глупым выражением глаз напоминавший козла. Он надеялся, что его голоса не услышат в общем шуме.

Но сенатор Лакс обладал удивительной способностью не только поддакивать всему, что скажет его кумир, но и прекрасно слышать речи его политических соперников, за которые их можно было бы публично упрекнуть.

– Ха, договориться. Ну, вы его слышали!? Я всегда знал, что вы и вся ваша партия – трусы! Может быть вы забыли, какое послание пришло сегодня в наш древний город?! Вы забыли, что ответил этот изменник на приказ Сената прибыть в Рэм, дабы предстать перед нами и ответить за превышение полномочий?! Так я напомню: «Я – Септим из дома Юниев и верные Республике и мне легионы объявляем, что теперь и навеки нашей священной задачей становится смещение прогнившего и коррумпированного состава Сената. Простым, честным гражданам нечего бояться, пострадает лишь порочное сердце нашей великой страны.» Вы понимаете?! Он хочет уничтожить столпы, поддерживающие наше государство в течении многих веков! Уничтожить нас!

– Но зачем ему это?!

– Зачем!? Ради власти, конечно! Он – генерал северных армий, включающих почти половину всех легионов, но теперь ему этого мало! Поняв, что мы хотим снять с него все полномочия, изменник решил действовать! Юний десять лет грабил север, оставляя все богатства себе, и теперь он хочет подчинить Республику!

– Но то, что предлагаете вы – это безумие! – попытался оправдаться Панс.

– Лучше быть безумцем, чем трусом! И погибнуть с честью, защищая Республику, как подобает воинам! – выпалил Лакс.

– А откуда вам и вам подобным, уважаемый Сенатор Лакс, знать, как умирают настоящие воины? – человек с пронзительными голубыми глазами встал со своего места, сделав знак соблюдать тишину. Лакс задохнулся от гнева и просто стоял, хватая ртом воздух. – Мне ясно одно – договориться с Юнием невозможно. Точнее сказать, возможно, но для этого потребуется сложить головы всех здесь присутствующих в мешок и преподнести его перед открытыми воротами Рэма. Но, как я предполагаю, этот вариант нас не устраивает. – Его рассеченный шрамом рот исказила улыбка.

– Так что же нам делать? Или вы сами можете лишь осуждать других и ничего не давать самому, Корилл? – сенатор Орил в отличие от своего горластого соратника, более напоминавшего взбесившуюся шавку, был старым и опытным волком, умевшим ждать. За свою долгую политическую карьеру он «перегрыз» горло многим соперникам.

Корилл выдержал взгляд оппонента, и когда выкрики других сенаторов стихли, продолжил все таким же твердым голосом:

– Наша единственная возможность выжить в грядущей буре – это разбить врагов поодиночке. Пока неизвестно, объединился ли Юний с сепаратистской провинцией, или каждый из них преследует свои интересы. Этот вопрос надо выяснить в ближайшее время – это первое. Далее в срочном порядке необходимо перебросить все лояльные нам легионы в Рэм и его окрестности. На границах оставить лишь необходимый минимум – это два. И третье: так как новость о предательстве Юния и о взбунтовавшейся провинции уже совсем скоро распространится в городе, я предлагаю не позднее суток сделать заявление к народу, в котором мы представим нужную точку зрения на ситуацию. Наше заявление должны услышать до того, как появятся слухи. Я предлагаю сделать это завтра же утром на Главном Форуме.

– Да, это разумно, давайте так и поступим! – выкрикнул Панс.

– Что же, как план первичных действий, он довольно неплох. Предлагаю голосовать, – сенатор Орил продолжил опытным ораторским голосом. – Уважаемые сенаторы, кто за план действий сенатора Корилла, поднимите вашу правую руку вверх.

Сто двадцать одна правая рука взметнулась вверх в знак одобрения. Решение было принято единогласно.

– Решено. План действий принят. Завтра, через три часа после рассвета, будет сделано заявление, должное упрочить лояльность граждан к Сенату. А пока, уважаемые сенаторы, нам всем необходимо отдохнуть. Заседание продолжим завтра и обсудим все наши шаги более детально. Разумеется, срочные действия будут исполнены незамедлительно. Пакеты со всеми необходимыми приказами будут разосланы в течение часа. Всем до завтра.

Сенаторы встали со своих мест и, переговариваясь, потянулись к выходу.

I

Ти.

Рэм – столица Республики.

889 год от Основания Республики.

Юноша шел по главной улице города. Сегодня, впрочем, как и всегда, парень был одет в простую, удобную одежду без украшений. Тит Улий Младший был сыном советника столичного Магистрата, но никогда этим не похвалялся, предпочитая лишний раз не упоминать место службы отца. Он поступал так из-за нежелания пользоваться положением своего родителя и по ряду других веских причин. Друзья называли его просто Ти.

Сегодня для Ти было необычное утро. Всю дорогу к Главному Форуму юноша думал о предстоящей встрече. Вчера он договорился об этом с одной девушкой, и не просто с девушкой, а с той, которая, как он думал, ему небезразлична. Погруженный в свои мысли, он преодолел колоссальный мост из белого мрамора через реку Рэм.

Этот мост было настоящим произведением искусства мастеров прошлого. Циклопические колонны вырастали из воды, подобно тысячелетним деревьям в

Вечном Лесу, поручни украшали барельефы, изображающие сцены посева и сбора урожая, быта и уклада жизни людей, рождения и смерти – все чем жил город. Существует легенда, что много сотен лет назад, когда мост был только построен, в столицу тогда еще молодого государства прибыла делегация послов из страны, с которой шла ожесточенная война. Послы, увидев мост, просто не могли себе представить, что столь могучее и прекрасное сооружение воздвигли руки простых смертных. Они уверились, что если их противники и не Боги, то уж точно их потомки. Но Ти думал не об этом. Он размышлял о предстоящей встрече, раз за разом прокручивая в голове одни те же вопросы:

«Что сказать первым? Как с ней поздороваться? О чем завести разговор? Или стоит пошутить? Или может просто наплевать на все это и открыто признаться в своих чувствах? Нет, этого точно делать не стоит. В конце концов, он еще не уверен, и все это может оказаться лишь проходящим увлечением».

Юноша считал, что нисколько не волнуется, ведь они видятся не в первый раз, да и не привык он тушеваться подобным образом. Но встреча один на один без общих друзей и знакомых была впервые. Все же он нервничал и за это себя презирал.

В свои шестнадцать Ти не выделялся среди сверстников ни шириной плеч, ни могучей мускулатурой. Он был худ и высок, его каштановые волосы вились, а глаза светились умом. В силу воспитания и темперамента не в характере юноши было показывать свой внутренний дискомфорт. Внешне он всегда оставался спокоен, словно стратег на поле боя.

Ти миновал монументальную арку, возведенную в одно время с Мостом, и вошел на форум. Там, как и в любое время суток кроме разве что глубокой ночи, было полно народу. Люди толпились, торговали, обсуждали последние новости и отдыхали. В центре площади располагался фонтан. Архитектурная композиция на нем изображала схватку легендарного воина с не менее легендарным чудовищем, представляющим собой могучее человекоподобное существо с головой быка и мордой льва. Схватившись вплотную с ужасным противником, воин по локоть засунул руку в пасть чудовища, пытаясь защитить шею от ужасных клыков. Другая рука героя раз за разом наносила удары коротким мечом в мускулистую грудь зверя. Гнев и ярость исказили лицо человека, рогатая пасть зверя была оскалена в немом вое. Противники застыли в мраморной вечности. Под ними в прохладе на бортиках фонтана сидели люди, в благодатной тени завтракая едой из корзин, принесенных с собой.

Ти тоже решил укрыться в тени фонтана от уже начавшего припекать солнца. В этом году весна выдалась очень жаркой, и людям приходилось только гадать, что преподнесет им лето. Юноша двинулся вперед, но через пару шагов ощутил прикосновение руки к своему плечу. Обернувшись, Ти встретился взглядом с глазами Аллисии.

Ему всегда казалось, что он может вечно смотреть в эти просто огромные карие глаза. Девушка улыбнулась белоснежными зубами и взмахнула головой, от чего ее темные, словно крылья ворона, короткие волосы всколыхнулись чернильным веером.

– Привет, Ти. Давно меня ждешь?

– Нет, только пришел, – из головы юноши вылетели все мысли и фразы, заготовленные им по пути.

– Вот и отлично. Что думаешь насчет собрания сегодня? Или ты хотел поговорить о чем-то другом? – девушка посмотрела на него. – Зачем ты позвал меня?

– Я хотел поговорить с тобой о... – крик на трибуне форума прервал его, и все присутствующие на площади люди повернулись на звук.

– Сograждане! Сograждане! Жители древнего города Рэм! – на трибуне стоял мужчина средних лет с хвостом седых волос. В руке он сжимал большой свиток, и Ти понял, что это был глашатай Сената.

– Подойдем ближе, интересно, в чем дело? Сегодня же нет никого праздника, – Алисия взяла Ти за руку и повела ближе к трибуне.

– Сегодня ночью была получена ужасная весть, – начал глашатай. Народ затих, приготовившись слушать. – Стало известно, что наш лучший полководец и верный слуга Республики – Септим Юний предал отчизну и разорвал священную клятву защищать ее!

Народ на площади несколько секунд безмолвствовал, словно не веря сказанному, но потом недоуменно загудел и, наконец, взорвался криками.

Глашатаю стоило немалых усилий успокоить толпу, и когда ему это удалось, он продолжил:

– Было получено послание от этого предателя и изменника. Вот что в нем говорилось: «Я – Септим Юний отрицаю все идеалы Республики и вместе с моими легионами иду на Рэм, чтобы огнем и мечом построить навое государство со мной во главе! Все кто встанет на моем пути будут безжалостно уничтожены, и их кости украсят обочины дорог от южных вод до земель северных дикарей!»

Люди на форуме кричали и вопили, потрясая кулаками, выражая свое отношение к такому предательству. На этот раз глашатай не стал сразу успокаивать народ, дав ему немного покричать.

– Но это еще не все! Также стало известно, что наша северо-западная провинция – Сербия взбунтовалась против законной власти и объявила независимость! Пока неизвестно действуют ли предатели сообща. Спешу вас уверить, честные граждане, все предатели и сепаратисты будут уничтожены! Верные своему отечеству легионы уже выдвинулись в столицу. Вам ничего не угрожает! Наши доблестные воины защитят всех! Согласно проскрипту Сената, Септим Юний объявляется врагом государства, все его имущество переходит в собственность Республики, и любой гражданин имеет право чинить ему любые неприятности вплоть до смерти. Граждане, с радостью сообщаю, что по всему городу открылись пункты записи добровольцев, но если по каким-то причинам вы не можете помочь нашему отечеству своим мечом, вы можете помочь эти мечи купить. В пунктах призыва вы можете сделать пожертвования во благо страны в этот трудный для нее час. Республика надеется на вас! – глашатай закончил речь и под громогласный рев толпы спустился с трибуны.

Ти был ошеломлен. Все знакомое ему мироустройство рухнуло в один миг. Нет, конечно, Республика и раньше вела войны с соседями, но для парня это всегда отражалось в выступлениях вестников на форуме и разговорах на улице и в кругу семьи. Но теперь все было по-другому. Война велась не с соседними странами или северными дикарями, теперь по разные стороны фронта будут сражаться граждане одного государства. К тому же, Септим Юний возглавил мятежников. Тот самый Юний, на которого ровнялся каждый мальчишка в стране. Да и сам Ти во время детский игр представлял себя им, орудуя деревянным мечом и посылая друзей в бой. Пару десятков лет назад, еще до рождения юноши, во время войны с Марийским Султанатом, именно его смелые действия смогли переломить ход кампании и заключить выгодный мир. Все

превозносили его подвиги на полях сражений, его добродетели во время мира и преданность Республике.

«Что же теперь получается? Так мало того, еще и Сербия взбунтовалась. Хотя... не такого ли момента они и ждали?» – думал Ти.

Очнувшись, Ти понял, что все время пока он был погружен в свои мысли, Аллисия пыталась ему что-то сказать. Ее лицо озаряла улыбка, карие глаза светились счастьем, но за гулом сотен людей юноша не мог ее расслышать. Он взял Аллисию за руку и повел прочь от Главного Форума.

Юноша не упустил возможности полюбоваться девушкой. Стройные, словно у танцовщицы, ноги переходили в крепкие бедра бегуньи, а те в свою очередь, в тонкую талию. Плечи, хоть и выглядели привлекательно хрупкими, свидетельствовали о предпочтении активной жизни взамен праздного безделья. Когда они оказались достаточно далеко, Аллисия остановилась перед Ти и начала говорить:

– Ты понимаешь, что это значит?! Все чего мы ждали свершилось! Время прозябания прошло, сейчас наступает самый благоприятный момент, чтобы действовать! Лучше и быть не могло!

– Да, конечно, я рад, – сказал Ти, улыбаясь. Ему нравилось, когда девушка была счастлива.

– Похоже, что на сегодняшнем собрании у Марка появится более интересная тема для обсуждения, чем раньше. О Боги, я так счастлива, что ты позвал меня на форум, и я смогла лично все услышать! А теперь мне пора, я должна сообщить все нашим, как можно быстрее. Встретимся сегодня в условленном месте, – чмокнув Ти в щеку, она убежала вверх по улице.

Ти еще несколько секунд стоял, наблюдая за гибкой фигурой девушки, пока та не скрылась за углом.

Народ большими группами начал покидать форум и юноша, решив, что запруженная народом улица – это не лучшее место для размышлений, отправился выпить вина в одну из своих любимых таверн. Ти, как сын советника Магистрата, мог позволить себе посещать не дешевые притоны и кабаки, а

приличные заведения, где подают настоящее вино, а не разбавленную бурду. Заведения, где столы и посуда не заляпаны пятнами засохшей еды прежних посетителей. К счастью, неплохая таверна располагалась всего в паре кварталов от форума, и у парня заняло не больше десяти минут, чтобы до нее добраться.

Посетителей почти не было, что не удивительно для утра. Лишь несколько человек сидели у дальней стены: уже седой, но все еще широкий в плечах мужчина пил вино со счастливым выражением лица. Он был полностью погружен в свои мысли, механически подливая напиток из кувшина в свой огромный кубок. За соседним столом старик в дорогой одежде гипнотизировал взглядом свой бокал вина. За ним в тени сидел еще один человек, но его лица не было видно. Глубокий капюшон полностью скрывал черты незнакомца. Выбрав столик у окна, (большие, светлые окна были одной из причин, почему юноше нравилось это заведение) Ти заказал красного вина у немолодой, но все еще симпатичной служанки с выющимися каштановыми волосами. Она, улыбнувшись и подмигнув, ушла за заказом.

– Как ты думаешь, Рёйский Союз все же нападет на Уэст? – донеслось от соседнего стола. Ти прислушался. – Я слышал об этом от купца, он совсем недавно прибыл в Рэм с товарами и все знает о тамошней ситуации. Говорит, будто армия Союза вошла в пограничный город якобы потому, что местные их сами пригласили, – перегнувшись через стол, посетитель чертил линии и точки свиной ножкой прямо на столешнице.

– Да не тут, Влис южнее, – поправил его «карту» другой. – Не знаю, думаю, Союз ждет первого шага от Уэста, чтобы оставить право обороняющегося за собой. Тем не менее, война это лишь вопрос времени.

– А что Астия?

– Астия? Ждет, кто выйдет победителем. Ей давно уже хочется получить восточные земли Союза с серебряными рудниками.

Внезапно через двери таверны ввалился еще один человек и, приблизившись к говорившим, с шумом рухнул к ним за столик:

– Вы что не были сейчас на форуме?! Не слышали, что произошло?! Так, налейте вина, и я все расскажу...

Ти развернулся к окну, за которым располагалась небольшая площадь. Прохожие спешили в разные стороны. У каждого из них были свои дела и проблемы, свое счастье и горе. Юношу всегда завораживала толпа. Огромная масса людей, каждый из которых наделен желаниями, страхами, каждый из которых хранит надежду в сердце. Но в тот миг мысли парня были далеки от этого места и от этих размышлений.

Тит Улий Младший познакомился с Аллисией два месяца назад. Их знакомство состоялось в совсем необычном месте. Это была не группа друзей или веселый карнавал, как можно было подумать, учитывая их возраст. Они познакомились на сходке заговорщиков, бунтарей, недовольных текущим положением дел в стране. Самому старшему из них – Марку было семнадцать. Он занимал положение главаря их организации «независимых граждан», как он сам ее называл, и к тому времени, как Ти вступил в нее, их дело продолжалось уже пару лет. Вся деятельность заключалась в выступлениях перед бедняками с призывами о «свержении прогнившего строя богачей-угнетателей» и вандализме статуй, изображающих важных политических деятелей. Но месяц назад все изменилось. Как с важным видом рассказывал Марк: «С ним связались с самого верха их освободительного движения, и с этого момента они вступают в серьезную игру».

«А вы думали мы одни боремся с ненавистным, прогнившим нутром Республики?» – говорил Марк, всем своим видом выражая превосходство и осведомленность в вещах, недоступных другим.

Ти недолюбливал Марка. Возможно, из-за его постоянного надменного отношения к другим членам общества, но, скорее всего, из-за непрекращающихся попыток Марка произвести впечатление на Аллисию. В ее присутствии он становился еще более горделивым и напыщенным, всеми своими действиями показывая превосходство над другими. На девушку его попытки не производили никакого эффекта, и это его ужасно злило.

Вчера на собрании Марк был еще более надменен, чем обычно. Свою речь он начал со слов о том, что слишком долго они занимались детскими забавами, и настало время доказать всем их приверженность общим идеям. С этого момента их группа вливается в общее движение солдат «Освобождения», и завтра на внеочередном собрании будет присутствовать представитель верхушки организации. Он прибудет с заданием, выполнив которое, они смогут доказать

всем их серьезность и состоятельность.

Подобные новости не обрадовали Ти. Изначально он вступал в группу молодых людей, объединенных общей общественной позицией. Юноша искал место, где можно поделиться своими взглядами и выслушать мнение других. Но разочаровавшись в своих представлениях, Ти уже не мог уйти. Не мог из-за Аллисии. А вот девушку новость о «вступлении в серьезную игру» сделала такой счастливой, что мысль парня о том, чтобы предложить ей вместе уйти из группы представлялась теперь неосуществимой.

Погруженный в печальные мысли, Ти допил вино и, расплатившись, покинул таверну. Гулять по городу не было никого желания, поэтому юноша решил пойти домой и скоротать время до вечера за книгой.

Советник магистрата со своей семьей, как и большинство горожан со средним достатком, жил в инсуле. «Инсулы» – двух или трёхэтажные дома, рассчитанные на несколько семей. Часто на первых этажах таких зданий располагались пекарни, мелкие магазины и ремесленные лавки, таким образом, образовывались практически самодостаточные кварталы со своим укладом жизни. Граждане с меньшим доходом предпочитали селиться в небольших домиках по сторонам улиц в удалении от центра. Богатые горожане жили в больших особняках в особых кварталах вместе с такими же, как они, или в роскошных виллах за городскими стенами подальше от суеты и пыли столицы. А бедные и почти нищие обитались в ветхих хибарах ближе к городским стенам. Со временем, инсулы вытесняли остальные виды недвижимости из города, и людям, не имевшим возможности купить такое жилье, приходилось селиться в пригороде за стенами столицы.

Жалование отца семейства Ти позволяло в достатке содержать жену, сына и дочь. Оно позволяло оплачивать жилье, выданное государством по льготным условиям, и даже покупать книги. Книги, школы и другие возможности получить образование стоили достаточно дорого для того, чтобы люди с низким и близким к этому достатком не могли себе позволить его получить. Но в подавляющем большинстве они к этому и не стремились. Так же все в стране знали одну истину: если не дать государственному служащему взятку, о своей (даже законной) просьбе можно забыть. Не стоило, разумеется, забывать и о законной государственной пошлине.

Когда Ти пришел домой, он застал там только сестру. Отец был на службе, а мать, скорее всего, ушла к торговым рядам. Мара всегда находила общий язык с братом. Она унаследовала от матери красивые волосы цвета лунного сияния, стройную, даже слишком утонченную, фигуру и правильные черты лица. От отца ей достался острый ум и упрямство в отстаивании своей точки зрения. В свои пятнадцать она была очень смышленной девушкой, обожая спорить со своим братом. Хотя такие споры и были частыми, но они не нарушали гармонии в их отношениях. Многие парни пытались добиться расположения Мары, и их было бы еще больше, но сказывался озорной характер девушки. Ти во время словесных перепалок часто называл ее «цапля», что, впрочем, только подливало масло в огонь.

Зайдя домой, Ти сразу услышал:

– Ну как прошла встреча с «Кареглазкой»?

– Нормально, – вздохнув, буркнул Ти.

– А, ну я так и поняла. Ты слышал, что в городе говорят о предательстве? Это – правда? – в голосе Мары слышалось напряжение.

– Похоже на то... а ты откуда знаешь?

– Об этом уже весь город знает. А ты думал, что такая новость не разойдется со скоростью лесного пожара жарким летом? – не упустила свой шанс подколоть брата Мара.

– Да, ты права. Ладно, если понадобится, я у себя.

– Хорошо, а ты не хочешь познакомить меня со своей невестой?

Ти, не отвечая, зашел в свою комнату, плотно закрыв за собой дверь.

Выбирая книгу из небольшой библиотеки отца, он остановился на сборнике легенд за авторством Марка Цинза. Среди прочих там было несколько глав, посвященных легендарному герою-основателю Рэма, чья схватка с чудовищем увековечена в камне на Главном Форуме города.

«Алхей» или по другому переводу с протореса «Алхий» – основатель города Рэм и нашей Республики. Дитя Тариса и Миры, он пришел в этот мир в темный час для нашего народа. Удивительно мало сохранилось источников о времени Основания и предшествующих этому событиям. По некоторым сведениям, наши далекие пращурь потерпели поражение в кровопролитной войне и были вынуждены искать новый дом взамен утраченного. Именно тогда Алхей спустился с небес, возглавив их, будучи лучшим из равных. Он сумел ободрить потерявших надежду людей и повести их к новому будущему, к новому дому.

Часть легенд повествует, что наши предки пришли в эти земли с запада, но мои исследования утверждают другое. После изучения сохранившихся преданий многих варварских племен, обитающих на юге, я могу предполагать, что путь Алхея пролегал именно оттуда. В самых древних песнях и обрядах говорится о народе сильных, высоких людей, пришедших из-за моря. Их предводителям был Бог и называли они себя Алхииды или Аллиасы. (Здесь мнения расходятся) Скорее всего, это и были наши далекие пращурь.

После того как они прибыли в новые земли, наши предки столкнулись с новой угрозой...

Как случилось у Ти, время за чтением пролетело незаметно, и на улице уже сгустились сумерки. Мать готовила еду на семью, то и дело посматривая в окно, сестра помогала ей. Отца не было дома. Война всегда нагружала магистрат до предела, что уж говорить о гражданской войне. Никто еще не называл сложившуюся ситуацию «гражданской войной». Все использовали слова: предательство, сепаратисты, изменники, но эти два слова давили на всех в городе, ощущаясь тяжелыми свинцовыми тучами, нависшими над людьми. И они вот вот должны были развернуться проливным дождем.

Пора было идти. Ти надел темный плащ с капюшоном и вышел из дома. Место встречи располагалось в тридцати минутах ходьбы от его инсулы, недалеко от северо-западных ворот в одном из бедных кварталов Рэма. Людей на улице было много, но все они шли по своим делам и не обращали никого внимания на высокую фигуру в темной накидке из грубой ткани. Юноша миновал улицу, где утром расстался с Аллисей и через несколько минут вошел в один из небогатых районов. Здесь жили бедные, но еще не полностью опустившиеся люди. Дома хоть и выглядели старыми и ветхими, но еще могли выстоять несколько лет, да и сами жители все еще были похожи на людей, в отличие от представителей самых нищих районов у стен. Ти бывал в подобных местах вместе с группой

своих единомышленников. Дома там представляли собой нагромождение строительного мусора, перемежающегося гнилыми досками и разбитыми стеклами. Люди походили на куски плоти, обернутые в лохмотья. Каждый раз, когда Ти подавал милостыню в протянутую из обрывков одежды руку, его обдавало таким зловонием, что у него слезились глаза. Не смотря на бедствующее положение населения в таких районах,(или благодаря ему) все выступления группы Ти, облачающие корыстное, гнилое и коррумпированное сердце республики, неизменно встречались оглушительными возгласами одобрения. Шум был таким сильным, что по окончании выступлений на их место прибывал патруль городской стражи и, чтобы не быть замеченной группой Марка приходилось укрываться среди трущоб.

Место встречи парень нашел не сразу. Небольшой покосившейся домик втиснулся между ночлежкой для нищих и дешевой таверной, из которой то и дело доносились дикие возгласы и пьяный смех. Нужный дом был нем, словно мертвец, и ни один отблеск света не пробивался сквозь плотно закрытую дверь и заколоченные окна.

Ти подошел к двери и постучал в нее условленным стуком. Три быстрых удара, один удар, еще три быстрых. Несколько минут ничего не происходило. Юноше начало казаться, что он ненароком ошибся домом, но вот дверь приоткрылась на пару дюймов, и хриплый голос спросил:

- Что вам нужно? Лепрозорий дальше по улице.

- Жаль, а я как раз хотел пообедать, - ответил Ти, улыбаясь. Он уже узнал человека за дверью.

Тяжелая створка приоткрылась ровно на столько, чтобы человек комплекции Ти мог пролезть, и как только он это сделал, захлопнулась за ним.

- Привет, Филипп, все собрались? - спросил Ти у худого парня лет четырнадцати с бесцветными глазами и жидкими, почти прозрачными волосами, выдававшими в нем человека, очень редко бывавшего на солнце.

- Из наших все, но мы все еще ждем «больших шишек» так, что ты вовремя. Аллисия уже начала беспокоиться за тебя.

– Правда?

– Да, но Марк ее успокоил, сказав, что если ты не пришел, то, скорее всего, просто заблудился по пути.

– Ну конечно, не сомневался в нем, – прошипел Ти.

У дальней стены помещения находилась лестница, ведущая в подвал. Ее земляные ступени уходили в непроглядную тьму. Ти взял фонарь, висящий на стене рядом со спуском и, выкрутив пламя в нем на максимум, принялся спускаться во мрак.

II

Квинт Марий.

Граница с Великой Пустыней.

Трубы играли подъем, и солдаты, потягиваясь и тихо ругаясь, выходили из своих казарм. Легионеры строились по подразделениям на площади пограничного форта, где несли службу. Прохлада пустынной ночи уступала свои права жгучему солнцу. К утру ветер утих, но порывы тугих струй песка все еще проносились над барханами, разбиваясь о каменные стены крепости.

Квинт Марий считал себя хорошим командиром. Как хороший командир он с рассветом просыпался вместе со своими солдатами и лично руководил построением, не перекладывая эту обязанность на заместителя. Подчиненные, видя справедливого и разделяющего с ними тягости военной службы офицера, отвечали ему безграничной преданностью. Квинт носил звание центуриона – командира центурии – подразделения, насчитывавшего около сотни солдат. В его обязанности входило патрулирование местности до зоны контроля соседнего форта. Дважды в день ворота открывались, и солдаты стройными рядами выходили в зной южной пустыни.

Недавно прибывшим на границу новичкам гарнизонная служба могла показаться скучной, но услышав от ветеранов о свирепых кочевниках, ночью вылезавших из своих подземных убежищ и вырезающих караваны торговцев вместе с зазевавшимися часовыми, новобранцы меняли свое мнение. Пустынные кочевники являлись главной угрозой на этой части границы. Сейчас варварские набеги стали не так опасны, как еще тридцать лет назад, когда волны этих низкорослых дикарей проносились вглубь Республики на целые мили. Их военная мощь была навсегда (по крайней мере, на это надеялись) подорвана широкомасштабной военной операцией, задачей которой было полное уничтожение пустынников, как народа. От части цель была достигнута. Главные поселения уничтожены, воины истреблены, а женщины уведены в рабство. Но жестокость легионов изменила характер разбойных налетов. Теперь пустынники не просто грабили торговцев и поселения недалеко от границы, они вырезали всех, кто встречался на их пути, будь то солдат, купец или крестьянин с семьей. Солдаты легиона не оставались в стороне и в свою очередь сжигали любое найденное убежище «песчаников». Схватки приобрели свирепый характер, и ни одной из сторон не стоило рассчитывать на пощаду.

После общего построения быт солдат занимали тренировки, чистка доспехов, уход за оружием и караулы. Первый патруль обычно отправлялся между двумя и тремя часами после рассвета, возвращаясь в форт до полудня. Его возглавлял либо лично Квинт, либо его первый заместитель (Опцион) – Тит Симмах. К выбору своего заместителя Квинт отнесся со всей серьезностью и после долгих раздумий назначил им двадцатипятилетнего Тита. Холодный рассудок опциона и умение грамотно оценивать обстановку даже в самых трудных ситуациях вызывали уважение. Вот и сегодня сорок пять бойцов с полным боевым обмундированием выступили из форта в первый патруль. Центурион проводил колонну взглядом со стены форта и спустился во внутренний двор.

Многие люди шли служить в легион из-за престижности военной карьеры, из-за нужды или из-за нежелания всю жизнь гнуть спину под палящими лучами солнца на ферме. К Квинту не относилось ни одно из вышеперечисленного. Он происходил из знатного рода легата двадцатого легиона «Слава Велерии» и с самых юных лет впитывал в себя солдатскую жизнь. Воспитанный суровой рукой отца, не делавшей исключения между обычными солдатами и сыном, Квинт не мыслил себе иной судьбы. После трагической гибели легата во время одного из походов, Квинт оставил родной легион и перевелся в одиннадцатый «Гнев Эльмы». Бой начинался для него в первых рядах, два венка за то, что он первым оказывался на стене вражеской крепости украшали его предплечья, серебряная фалера за храбрость блестела на кирасе. Дисциплина, решимость, храбрость и

ум (в равной мере заслуга сурового воспитания и врожденных качеств) помогли Квинту завоевать уважение и в скорости получить звание центуриона.

В северной части двора форта располагалось маленькое святилище. Основной религией в Республике был культ двух Богов. Бог Тарис – покровитель воинов и всех мужчин, его статуэтка на небольшом алтаре стояла слева, и Богиня Мира – покровительница матерей и всех женщин, ее статуэтка находилась справа.

Квинт вспомнил огромный храм в Рэме, он видел его всего раз, но образ стоял перед глазами, словно наяву. Белокаменные колонны уходили в небо, величественные своды поражали своей красотой и массивностью, а лестница, ведущая к храму, сверкала, словно снежная гладь. Приклонив колено перед алтарем со статуэтками, Квинт произнес:

– Боги – покровители нашего народа, молю вас: даруйте мне храбрость с честью сражаться за мою страну и даруйте мне достойную смерть на поле боя, чтобы моя Республика продолжала жить.

У разных профессий, сословий и родов были свои вариации коротких молитв. Солдаты, преклоняя колено, говорили одно, советники магистратов – другое, кузнецы третье, землепашцы четвертое, жрецы пятое и так далее. Вместе с Богами почитали героев прошлого. Персонажи мифов и легенд пользовались огромным уважением среди граждан, а в честь самых прославленных из них проводились празднества и игры по всей Республике.

Встав, Квинт посмотрел в зеркало, которое имелось в любом храме. Смотря на свое отражение, человек должен был понять и запомнить, что клятвы, молитвы и просто слова, сказанные им перед алтарем, произнесены лишь смертным. Не стоит пытаться лгать и юлить перед Богами.

Из зеркала на него смотрел мужчина с короткими черными волосами и карими глазами на волевом чисто выбритом лице. Квинт всегда ревностно относился к бритью и внешнему виду солдат. Во время службы, уже в должности центуриона, Квинт приказал выпороть плетью заведующего складом конской упряжи за то, что тот три месяца месяца не стриг волосы и не брился, в результате чего стал похож на северного варвара, только что вылезшего из под брюха огромного косматого животного, коих они используют в качестве домашнего скота и транспортного средства.

После молитвы Квинт решил заняться своим любимым делом – тренировкой новичков. Центурион считал, что даже во время гарнизонной службы к обучению солдат необходимо подходить со всей серьезностью. Сейчас новобранцев было немного, и каждому доставалось внимание командира. Они так уставали, что ко времени отбоя каждый из них с трудов подносил ложку ко рту.

Бойцы отрабатывали удары мечами на деревянных столбах, проводили тренировочные поединки, учились правильно защищаться от разных видов оружия.

– Бей выше, целься в горло! – покрикивал Квинт. – Держи крепче! Это щит, а не девка! Не дай врагу выбить его у себя! Закрывай корпус! Еще раз, по новой!

Вне всякого сомнения, во время занятий новобранцы всем сердцем желали, чтобы полуденное пустынное солнце поскорее напекло командиру голову, и он свалился без сознания. Однако, в следующих битвах они будут также искренне благодарить его за отточенные навыки, в итоге спасшие им жизнь.

Довольный проведенной тренировкой Квинт сел обедать вместе с солдатами. Но хорошее настроение вмиг улетучилось, когда он заметил пустующие места за столом. Патруль, ушедший утром, до сих пор не вернулся. Это могло означать все что угодно: от небольшой задержки до... серьезных проблем. Отложив миску с едой, он покинул столовую и взобрался на крепостную стену.

Рядом с башенкой форта стоял часовой. Молодой солдат, поминутно зевая и потягиваясь, пытался укрыться под навесом из выцветшей ткани от лучей палящего солнца. Квинт подошел к нему.

– Не появлялся ли патрульный отряд, легионер? – спросил Квинт у вытянувшегося по струнке солдата.

– Никак нет, патруля не было видно с момента их выхода из форта утром, – ответил легионер Рун.

Квинт взглянул в направлении пустыни. Желто-серые песчаные барханы уходили в даль на сколько хватало взгляда, между ними пролегали ущелья и каньоны с осыпающимися зыбкими краями. После каждой бури их расположение менялось, и часто бывало такое, что на утро перед зрителями представал совершенно

другой пейзаж, никак не похожий на виденный еще несколько часов назад. На юго-западе у самого края горизонта клубилось коричневое пятно.

«Этого еще не хватало» – мрачно подумал Квинт.

Он кивнул солдату и, взметая облачка пыли, спустился со стены во внутренние помещения, где располагалась коморка начальника форта. Формально под его командованием находились все части легиона на отрезке границы, но на деле командиру форта подчинялся лишь внутренний гарнизон, а центурионы приписанных к укреплениям подразделений получали некоторую свободу действий в пределах общих приказов. На фоне подобных противоречий возникали конфликты, и форт Квинта не был исключением. Масло в огонь подливало отвращение центуриона к обрюзгшему и безинициативному руководителю, всю жизнь просидевшему за непыльной работой и ни разу не бывавшему в настоящем сражении.

Квинт без стука открыл дверь и вошел в комнату. Командир форта сидел за столом, все пространство которого занимали стопки желтых листков с многочисленными приказами, распоряжениями и отчетами. На некоторых документах виднелись пятна от засохшего вина. В руке руководитель сжимал кубок, а рядом на полу стоял графин. Бессмысленный взгляд уставился на Квинта, охрипший голос произнес:

– Что тебе нужно, центурион, и почемуходишь к командиру без разрешения?

– Патруль не вернулся, я собираюсь взять оставшихся солдат центурии и выйти на поиски.

– Иди. Что ты от меня-то хочешь? – удивился командир форта южной пограничной цепи.

– Республика хочет, (Квинт говорил медленно) чтобы вы выполнили свои обязанности, и если я не вернусь, послали весть в другие форты о нападении на нас пустынных.

– Республика, Республика, а зачем твоя любимая республика послала нас сюда, гнить под палящим солнцем?

– Мы здесь для защиты нашего государства, чтобы мужчины могли выращивать урожай, а женщины растить своих детей, – кровь ударила в голову, и глаза заволок туман гнева. – Но вот в чем Республика действительно ошиблась, это в надежде, что враг находится за границей! На самом деле, настоящий враг делает вид, что ее охраняет!

Начальник форта зашелся булькающим хохотом, и Квинт, не сказав больше ни слова, вышел из комнаты во внутренний двор.

– Солдаты, боевая готовность, построение колонна у ворот! Четверо во фронт! – крикнул центурион голосом, способным разбудить и мертвого.

Спустя пять минут солдаты в полном боевом облачении уже стояли у ворот, ожидая приказов. К Квинту подбежал его второй заместитель и доложил:

– Солдаты построены и ждут приказа, центурион. Сорок шесть легионеров готовы, двое небоеспособны из-за болезни и находятся в лазарете.

– Отлично, выступаем! – Квинт знал своего помощника и мог положиться на его компетентность в вопросах организации солдат.

Центурион надел офицерский шлем с ярко-алым гребнем из конского волоса и первым шагнул за пределы форта.

Обжигающий ветер опалил лицо, Квинт зажмурился, но не сбился с шагу. Это была одна из первых вещей чему учатся солдаты во время службы на южной границе – преодолевать все невзгоды, сохранять строй и дисциплину, ведь от этого зависит не только их жизнь, но и жизни товарищей.

Удалившись на несколько сотен футов от форта, Квинт выслал вперед трех разведчиков. Остальные легионеры в тяжелой броне и с большим щитами плотным строем продвигались за своим командиром. Ноги утопали в вязком песке, раскалившейся на солнце металл жег кожу. Квинт вел солдат по маршруту прошлого патруля, петляющему меж дюн и сыпучих оврагов. Хотя коварная пустыня уже скрыла следы, центурион знал, каким маршрутом шел отряд, ведь именно он его разрабатывал. Разведчики периодически возвращались и докладывали об отсутствии неприятеля, но и пропавшего патруля видно не было. Ветер хлесткими ударами песка сек кожу, барабаня по

броню, словно тысячи маленьких молоточков.

Примерно на половине пути к следующему форту разведчики не вернулись. Это не стало для Квинта большой неожиданностью – за пять лет службы на южной границе к такому привыкаешь. Центурион остановил отряд. Необходимо было принять решение, ведь от его своевременности и верности зависела их жизнь. После выступления из форта видимость снизилась и теперь, солдаты из первого ряда, обернувшись, с трудом различали своих товарищей в хвосте колонны, опутанной клубящейся взвесью.

С левого фланга донеслось несколько возбужденных возгласов. Повернувшись в сторону куда смотрели солдаты, Квинт различил лишь неясные тени в вихрящейся кутерьме серой пыли.

– Развернуть фронт! – скомандовал он, и солдаты, словно единый организм, перестроились к предполагаемому противнику.

В редкие моменты, когда песок меньше всего мешал обзору, Квинт пытался разглядеть неприятеля. Противник оставался странно неподвижен и не подходил по пропорциям на человека – слишком тонкое тело, напоминающее...

– Вперед! Шагом! – скомандовал Центурион и отряд приблизился к странным объектам на пару десятков футов.

Буря немного успокоилась, чтобы в скорости разразиться с новой силой, обрушившись на людей со всей яростью стихии. Видимость улучшилась, и солдаты поняли, что это было.

Несколько десятков человеческих голов в узнаваемых шлемах легиона покоились на наконечниках копий, воткнутых древками в песок. Хотя «покоились» – это неверное определение. Лица были искажены гримасами боли, ужаса и отчаянья. В одной из страшных находок Квинт опознал своего опциона – Тита Симмаха. Центурион до боли сжал зубы и обнажил меч, его примеру последовали все легионеры.

Предчувствие неминуемой беды потревожило сердце и разум Квинта. Внутреннее чутье много раз спасало ему жизнь, и спустя десятки боев он бессознательно прислушивался к сигналам интуиции.

– Круг! Круг! – скомандовал Квинт, и солдаты образовали окружность, закрывшись щитами и оцетинившись мечами.

– О Боги Вилл... нет... О Боги... – один из новичков выступил из строя. Оружие выскользнуло из ослабевших пальцев, и он неровной поступью побрел вперед.

Квинт вспомнил, что этот новобранец вместе со своим братом прибыл в форт всего неделю назад. Солдат отличался слабым духом и мягким характером, вследствие чего тренировки и общение с товарищами давались ему с большим трудом. Квинт не знал как, так получилось, что двоих братьев определили в одно подразделение. Скорее всего, в отделе Магистрата Беллос ошиблись в бумагах о назначении, что было не редкостью в последнее время.

– Назад! Легионер, вернуться в строй! – что есть силы, закричал Квинт, но остановить обезумевшего от горя человека он не мог.

Песок вокруг солдат зашевелился, словно живой, и из под него начали появляться пустынные, прикрытые серыми плащами. Десятками они выбирались наружу, словно песчаные демоны, решившие покарать людей за вторжение. Не теряя времени, дикари выхватывали короткие сабли из-за своих широких поясов и с яростными криками устремлялись на центурию.

– Стоять! Держать строй! – Квинт выставил вперед щит, и упершись ногами в вязкий песок, приготовился к удару.

Волна пустынников налетела на них, словно снежная лавина на дубовый лес. Легионеры покачнулись, но устояли. Отразив выпад кривого меча, Квинт из под щита ударил противника перед ним. Клинок не встретил сопротивления так, как дикарь не носил тяжелых доспехов, а кожаный нагрудник и ткань балахона не могли служить защитой против мечей легиона. Пустынный упал, обдав центуриона ненавидящим взглядом, но его место тут же занял другой, и бой продолжился.

В пылу сражения, Квинту удавалось оглядеться по сторонам. Центурия держалась, раз за разом откидывая волны атакующих назад в пустынную бурю. Дикари отступали, перегруппировывались, и вновь шли в атаку. Из-за ужасной видимости не представлялось возможным определить точное количество

противников, но на песке уже лежало, по меньшей мере, три десятка пустынных воинов. Но и со стороны солдат были потери. Убитые и оглушенные легионеры вываливались из защитного круга, те кто мог ползти спасались в тылу под защитой своих товарищей, остальные погибали под ударами кривых сабель. Чтобы закрыть бреши в обороне приходилось сужать круг, и Квинт понимал, что рано или поздно они будут вынуждены сражаться спиной к спине. Это бы означало верную гибель. Выход был лишь один.

– Прорываемся, за мной, шаг за шагом! Держать тыл! Передай! – кричать в пылу битвы посреди ревущей песчаной бури было бесполезно, и Квинт надеялся, что каждый из солдат по цепочке передаст его приказ.

Через пару минут он услышал от солдата справа, что приказ получен.

– Вперед! Шаг! – что есть силы закричал Квинт в надежде, что его услышат хотя бы соседние с ним легионеры.

Шаг за шагом центурия продвигалась вперед, раненых поддерживали их товарищи, боеспособных солдат почти не осталось. Мертвые и умирающие вываливались из строя на обжигающий песок, чтобы еще живые могли спастись. С начала битвы песчаная буря ослабела, и видимость улучшилась.

Квинт обернулся, взглянув на маршрут их прорыва из засады. Путь был отмечен дорогой из мертвецов. Они, словно преследовали тщетно пытающихся убежать живых, чтобы утащить их за собой в царство мертвых. Квинт не знал в нужную ли сторону они двигаются, и как далеко находится форт. Во время бури и битвы невозможно было определить направление, оставалось лишь надеяться на чутье.

Он со всей силы врезал щитом по голове «песочника» перед ним, и быстрым ударом меча отправил его в небытие. Под измятыми доспехи было влажно, похоже, в нескольких местах ятаганы врагов все же смогли добраться до желанной плоти.

Квинту казалось, что они уже несколько часов пробиваются сквозь нескончаемые орды пустынников, но по своему опыту он знал, что время в битве странным образом растягивается, и минуты кажутся вечностью.

Еще один выпал из строя окровавленных, изнуренных, но все еще продолжающих идти солдат. Вперед их гнала железная воля командира и желание жить.

Сабля пустытника рассекла воздух и со свистом обрушилась бы на шлем Квинта, разрубая его череп, если бы он не успел отвести голову назад. Острое лезвие со скрежетом прочертило по шлему, рассекая бровь и щеку, чудом не лишив центуриона глаза. Закричав, почти ослепленный от крови и боли командир толкнул противника, и когда тот потерял равновесие, всадил клинок ему в горло.

Кровь заливала глаза и мешала обзору. Центурион понял, что его людей осталось слишком мало, и они не могут продолжать идти. Раненных уже не было кому поддерживать на ногах, и их уложили на песок в центре построения. Они ползли, загребая руками, стараясь не отстать от темпа движения остальных.

Стихия постепенно выдыхалась, и песок уже не так мешал обзору, как в начале боя. Рвущий ветер стих до обычного ненастного дня, и пыль начала оседать.

– Стоять! Спина к спине! – кричал Квинт, надеясь, что буря утихла на столько, чтобы его солдаты смогли услышать приказ.

Квинт понял, что они обречены. Он понял, что ошибся и повел своих людей не к спасительным стенам форта, а напрямик в пустыню, в глубь территории врага. Единственное что оставалось – это с честью встретить смерть на поле боя, не попав в руки к пустынникам. Квинт был уверен, что в тот момент, когда последний из его солдат падет, он бросится на свой меч, не позволив врагу насмеяться и пытаться его в плену. Так веками поступали офицеры Республики. Если надежды уже не осталось, не стоит давать врагу чувствовать себя победителем.

Маленькая группа людей, закрываясь щитами, стояла в бушующем море пестрых тюрбанов и сверкающих на солнце сабель. Квинта мутило, перед глазами все плыло, а сознание проваливалось в туманную бездну.

Ти.

Рэм – столица Республики.

Холод и сырость властвовали в подземной переходе. Со стен маленькими струйками стекала вода, собираясь в лужицы у стен, плесень и грибок облюбовали темные углы, чумным ковром прорастая до самого потолка. Фонарь в руках Ти разгонял мрак лишь на несколько футов, но юноша знал, что через секунду будет поворот налево и лестница, выводящая в соседнее здание. Последние пару месяцев местом сбора группы был подвал дешевой таверны. Чтобы не показываться в заполненном посетителями зале, они пробирались к месту встречи через переход, вход в который находился в прилегающем строении.

Тоннель вел в просторное помещение, центр которого занимал большой обшарпанный стол. По всей видимости, его предоставил хозяин таверны сверху, с чьего молчаливого согласия и проводились собрания. Помещение освещали три масляные лампы, стоящие на столе. Света от них не хватало, и стены подвала терялись в тени. Стульев не было, и все присутствующие были вынуждены стоять, опершись руками о стол. У дальнего края юноша заметил Марка, пристальным взглядом смотревшего на проход в тоннель. По правую руку от него была Аллисия. Девушка сидела на столе спиной к Ти, но при приближении парня повернулась и улыбнулась ему. Она выглядела очень усталой, видимо, время до собрания не прошло в пустую. Большие карие глаза немного поблекли, но это ничуть не уменьшало их хищную красоту.

– А я думал ты не придешь, – съязвил Марк, не пытаясь скрыть свою неприязнь.

– Отлично Ти, тебя мы и ждали, – здоровяк с добрым лицом и мускулистыми руками кузнеца поприветствовал юношу.

Гай был единственным человеком в группе, кроме Алисии, с кем Ти ладил. Добрый и отзывчивый он откликнулся на первую просьбу и всегда помогал по мере своих возможностей. Здоровяк вырос в семье ремесленника и в свободное от работы в мастерской отца время использовал свои навыки на пользу их маленькой организации.

– Привет, Гай. Как ты? – Ты поставил лампу на стол к остальным и к явному неудовольствию Марка встал рядом с Аллисией.

– Дерьмово... Отец заболел, и мне приходится делать его работу, чтобы мы могли содержать мастерскую и платить налоги. Я сам опоздал как раз из-за этого.

В подвале находились еще двое. Близнецы Линс всегда одевались одинаково, из-за чего их почти невозможно было отличить друг от друга. Даже врожденная особенность – левый глаз карий, а правый зеленый не помогала в этом. Худоба и бедный вид братьев не производили опасного впечатления, но Ти помнил, как по приказу Марка, они, словно одержимые, избивали прохожего в бедном квартале. Нищему не понравились речи Марка против Сената, за что тот и поплатился. Ти думал, что они бы забили бедняка до смерти, но на шум прибыл патруль стражи, и им пришлось уносить ноги. Светлые волосы близнецов были заплетены в тонкие косы, ниспадающие за левое ухо. Это навевало мысли о их принадлежности к одной из многочисленных банд Рэма. Бледные змейки вздрагивали, вторя резким движениям.

Ти хотел заговорить с Аллисией и уже было открыл рот, как из подземного перехода показались лучики света, а следом за ними появилась голова в капюшоне. Человек, с ног до головы закутанный в черный плащ, вышел из прохода и направился к столу. Следом за ним, на расстоянии шага, следовал огромный человек, не меньше семи футов роста, с длинной светлой бородой и разукрашенным синими татуировками лицом. По всей видимости, он был из дикарей, живущих на севере. Хотя варвары и отличились воинственным нравом, несколько племен все же сумели найти общий язык с Республикой, вложив мечи в ножны, наладив взаимовыгодную торговлю. Возможно, гигант был одним из купцов, хотя устрашающая внешность говорила об обратном.

Человек в плаще подошел к столу и скинул капюшон с головы. У него были седые волосы, зачесанные назад, обветренное лицо свидетельствовало о частых путешествиях, а тонкие губы об остром и цепком уме. Серые глаза Незнакомца обвели всех присутствующих пронизывающим взглядом. Было очень трудно не отвести глаз, но Ти, сделав усилие, совладал с собой.

– Рад вас приветствовать! Я – Марк, а вы...? – Марк первым нарушил молчание, возможно, тем самым желая подтвердить свое лидерство, но, не дождавись ответа, сконфуженно замолчал.

– Ну что же, это вы решили оставить свои игры и вступить в настоящее дело? – голос Незнакомца был скрипучим и неприятным. Если потереть два куска коры между собой, можно услышать похожий звук.

– Хватит с нас, нам нужно серьезное дело! Мы хотим быть частью чего-то большего! – Марк говорил с горячностью, явно неуместной в подобной обстановке.

– Да, да... – Незнакомец отмахнулся от слов Марка, словно от назойливой мухи, и осмотрел присутствующих. – Здесь всем можно доверять, могу ли я говорить открыто?

Марк тоже, подражая Незнакомцу, обвел свою группу взглядом, задержавшись на Ти, но в итоге ответил:

– Здесь только проверенные люди.

– Хорошо. Тогда слушайте внимательно, дважды повторять не буду. Первой задачей будет получение груза и транспортировка его в город. Можете считать это проверкой. Если вы успешно справитесь с заданием, доказав тем самым свою надежность, далее вы получите сложное и очень важное поручение. Все понятно?

– Что за груз, и когда мы должны его принять? – вступила в разговор Аллисия, до этого момента молчавшая.

Незнакомец удовлетворенно кивнул и продолжил:

– Через три дня, за час до полуночи, вы должны встретить груз у ворот Кассия. Стража подкуплена и проблем не будет. Вы должны доставить груз на склад в восточном квартале, – на стол опустился листок пергамента с картой нужного района и следом за ним звякнул ключ. – Содержание груза – это уже не ваша забота. Еще вопросы?

Все молчали. Незнакомец накинул на голову капюшон и пошел к проходу, но на половине пути обернулся, добавив:

– Когда задание будет выполнено, я свяжусь с вами для дачи дальнейших инструкций, – после этих слов силуэт в черном плаще скрылся в тоннеле. Гигант-охранник последовал за ним.

Когда свет лампы Незнакомца исчез в тоннеле, Гай выдохнул:

– Дела... Похоже, мы стали контрабандистами, я не думал, что все так серьезно.

– Ты думал, мы будем малевать ругательства на стенах и закидывать дерьмом здание Магистрата!? – в голосе Марка слышалось раздражение. – Нет! Вот наш шанс внести вклад в общее дело и стать частью людей, создающих будущее! Войти в историю не, как безвольные наблюдатели, а как одни из тех, кто построил новый мир!

– Но, если нас поймают, то могут отправить на копи или вообще повесить. К тому же, может пролиться кровь, – Гай смутился и кажется даже уменьшился под взглядом Марка.

– Без крови нельзя ничего изменить, но надо сделать так, чтобы ее понадобилось, как можно меньше, – уставшим голосом произнесла Аллисия.

– Это очень серьезный шаг, готовы ли мы к нему? Назад пути не будет, – Ти стоял, оперившись на стол, его взгляд застыл на старых досках, изучая рисунок трещин и царапин на них.

– Если ты хочешь и дальше играть в игры, а не заниматься делом, то пожалуйста! Вали! – Марк пытался прожечь Ти взглядом, но юноша устоял, не позволяя тому почувствовать превосходство.

В подвале повисла неприятная тишина, было слышно как в таверне сверху разбилась посуда, и грубый мужской голос проревел череду ругательств под аккомпанемент визгливого женского хохота.

– Ну хватит вам, – произнесла Аллисия, коснувшись рукой Марка, тот сразу расслабился. Ти тоже опустил взгляд. – Пора расходиться.

– Выходим по двое. Встречаемся через три дня у ворот Кассия.

– Я с Ти, – сказала Аллисия и, схватив юношу за руку, потащила его к тоннелю.

Ти не видел лица Марка, но был уверен, что тот уж точно не улыбается. Аллисия провела парня по подземному переходу, освещая себе путь лампой. Они выбрались из тоннеля, попрощались с Филиппом, все еще дежурившим у двери, и вышли на улицу.

– Не слушай Марка, он напыщенный индюк и идиот, – Аллисия поежилась и поплотнее запахнула плащ.

– Я знаю, – Ти улыбнулся. – Я провожу тебя до дома.

Аллисия жила в одной из комнат инсулы, расположенной неподалеку от дома Ти. Юноша никогда не спрашивал, откуда девушка берет деньги на такое недешевое жилье, и в его голову сами собой лезли неприятные мысли:

«Она может работать служанкой в особняке одного из богатых патрициев. Нет... Аллисия точно ни кому не прислуживает, такой красавице сами должны служить... А она могла бы много зарабатывать с таким телом... Нет! Это невозможно! К тому же, не могу себе представить как такую девушку, как она, можно просто купить, а утром уже забыть» – от таких мыслей парень покраснел.

– О чем думаешь? – Аллисия посмотрела на него.

Они уже вышли из бедных кварталов и приближались к дому девушки.

– Обо всем. Не знаю правильно ли все это. Неужели во всех бедах повинен Сенат?

– Конечно правильно. Сенат не может продолжать существовать, наша любимая Республика гибнет, они выпивают ее кровь.

– Да, ты права, – помолчав несколько секунд, Ти добавил. – Давай завтра встретимся, прогуляемся по Кантуму.

Девушка улыбнулась и взяла его за руку:

– Я бы очень хотела, но буду ужасно занята следующие дни. Думаю, мы увидимся только у ворот, сам знаешь когда. Ну вот и мой дом. Спасибо, что проводил, – девушка чмокнула парня в щеку и скрылась в двери.

Всю дорогу до дома Ти думал о ней. Зайдя в инсулу юноша твердо решил, что Аллисия ему небезразлична. Счастливый от того, что все прояснил, Ти вошел в комнату и встретился с сестрой.

– Где ты был? – в голосе Мары чувствовалось волнение и любопытство.

– Где надо, – у Ти не было настроения разговаривать с ней и тем более спорить.

– Опять с ней. Я так и поняла. Ты знаешь, отец недавно вернулся, очень уставший. Сказал, что все – правда! Какой ужас! И завтра будет срочное заседание Сената, а после на Главном Форуме огласят его результаты.

– Да, да, отлично. Я очень устал и хочу спать, давай завтра поговорим.

– Да я поняла, от чего ты устал, – Мара озорно улыбнулась и убежала в свою комнату.

Глубоко вздохнув, Ти закрыл за сестрой дверь и повалился в кровать. Через несколько секунд он уже спал.

* * *

Раннее утро. Здание Сената.

– Сенатор Квилий, огласите, пожалуйста, все известные нам вести, – произнес сенатор Орил. Он выглядел очень уставшим. Осунувшееся пухлое лицо и тяжелые отечные глаза свидетельствовали о бессонной ночи. На вид благородный патриций прибавил лет десять.

Сенатор Квилий прокашлялся и, с трудом встав со своего места, начал:

– От наших соглядатаев в Сервии нет никаких вестей. Мы не знаем заодно ли мятежная провинция с Юнием или нет. Войска Септима Юния двигаются от

северной границы по направлению на столицу. Точная численность его войск не известна, но, смею предположить, что к нему примкнули все легионы в Ултоне, – старик прервался, вздохнул и переменял позу.

Сенатор Квилий превосходил всех присутствующих не только возрастом, но и опытом. В свои восемьдесят пять он уже не мог произносить долгие речи, как делал это в молодости, но никто не мог и подумать, чтобы сместить этого уважаемого человека с почетной должности докладчика в Сенате. Короткие, обрывочные предложения, произнесенные хриплым старческим голосом, заставляли задуматься даже самых могущественных политиков.

– Точкой сбора наших легионов назначена провинция Велерия. По примерным оценкам, наши силы составляют семь легионов, не считая солдат, оставленных в качестве гарнизонов в пограничных фортах. Что касается внешней политики. Королевство Астия официально выразило нейтралитет, король обещал не вмешиваться в наши внутренние дела. Северо-западные княжества также будут нейтральны, они заняты войной между собой. Мерийский Султанат сообщает о невмешательстве, о чем Султан лично сообщил нашим дипломатам. Также в связи с потерей всех контактов с Сервией, наша казна рискует потерять ощутимую часть доходов.

Весть о вспыхнувшей в Республике гражданской войне в считанные часы достигла соседних государств, и к утру птицы с посланиями уже прибывали в Рэм.

– Благодарю вас, – Орил встал и, дождавшись когда престарелый сенатор тяжело опустится на свое место, начал говорить. – Благочестивые сенаторы, Республика переживает тяжелые времена, и нам следует действовать решительно и жестко. Необходимо любыми способами не допустить сотрудничества между Юнием и сепаратистской провинцией Сервия. Если мы не сможем этого сделать, нашим последним шансом станет иностранная интервенция, но, как мы все понимаем, оба этих варианта означают конец Республики. Далее, Септим Юний – отличный стратег и за него сражаются легионы, закаленные в боях с северянами. Чтобы достойно противостоять этой угрозе я предлагаю впервые за полтора века избрать «Меч Республики». – Сенаторы зашептались, заговорили, выражая целый букет эмоций.

«Меч Республики» – это должность, избираемая во время великой опасности, угрожающей всей стране. В руках этого человека сосредотачивается вся

военная власть, и лишь Сенатская Гвардия остается неподконтрольной ему. Когда опасность минует, «Меч Республики» должен сложить свои полномочия в установленный срок, или Сенат объявит его врагом государства.

– И какую кандидатуру вы предлагаете? Этот человек мало того, что должен быть полностью предан, так еще и быть способным победить Юния в битве, – произнес Сенатор Панс, потрясая своей козлиной бородкой.

– Никто не справится с этим тяжким бременем лучше, чем благородный сенатор Кальвус Корилл, – торжественно произнес Орил, взмахнув пухлой рукой в направлении названного.

Зал Сената грянул оглушительными криками. Кто-то аплодировал, приветствуя выбор, другие выражали свое мнение свистом. В этой какофонии звуков более спокойные сенаторы шептались, наклонившись вплотную к друг другу. На дельней трибуне самые молодые представители благороднейших из мужей начали толкаться.

– Вы уверены, что это правильно? Корилл горд и жесток, удачное ли решение давать ему такую власть? – сенатор Лакс склонился к своему патрону, шепча ему на ухо, словно слуга господину.

– Да, ты прав. Корилл горд и жесток, но он воин, а не политик. В случае необходимости мы легко сможем его задавить. К тому же, они с Юнием были друзьями, и только он сможет победить его в битве.

На фоне общего хаоса со всего места поднялся Кальвус Корилл:

– Если благородные сенаторы проголосует в мою пользу, – Корилл говорил тихо, но его голос сразу же успокоил всех присутствующих. – То я возьму на себя столь тяжкое бремя, во имя Республики.

– Голосуем! – воскликнул Лакс. – Кто за назначение сенатора Кальвуса Корилла «Мечом Республики» – поднимите вашу правую руку!

Квилий пересчитал голоса. По правилам, выбрать «Меч Республики» должны были не менее ста сенаторов из ста двадцати одного.

– За назначение Кальвуса Корилла «Мечом Республики» проголосовал сто один сенатор. Решение принято. Кальвус Корилл – «Меч Республики», ты – Ее оружие, так спаси же Ее! – последние слова церемониальной фразы утонули в грохоте аплодисментов.

IV

Квинт Марий.

Граница с Великой Пустыней.

Тень пронеслась за спинами атакующих, и один из них упал, оглашая пустыню криками. Еще несколько рухнули вниз, но дикари так увлеклись почти сломленной добычей, что не заметили их гибели.

Стена мускулистых конских тел с закованными в броню всадниками врезалась в спины «песочников». Рассекая легкую пехоту, разя и топча, кавалерия смяла противника. Пустынники попытались развернуться и встретить нового врага сталью, но сумятица, вызванная неожиданной атакой в тыл, не позволила сделать этого. Они запаниковали и дрогнули, в страхе пытаясь спастись в родной стихии.

Квинт опустил руку, в судороге сжавшую меч, и выдохнул:

– Не сегодня, не сегодня...

Оставшиеся в живых пустынные спасались бегством, но всадники настигали их одного раз другим.

«Им повезет, если хотя бы дюжина спасется» – с удовольствием подумал Квинт.

Центурион стоял, опершись на щит. Его голова была опущена на грудь, а дыхание с хрипом вырывалось из груди. Рана на голове вновь открылась, и кровь теплыми каплями падала на пыльную броню. Остатки центурии помогали раненым, осматривали мертвых или в изнеможении лежали на песке. Квинт

пересчитал своих людей и с горечью подумал, что из сорока шести солдат, вышедших на поиски пропавшего патруля, в живых осталось лишь двадцать один, половина из них была ранена. Надеются на то, что кто-то из патруля выжил не приходилось. Что самое удивительное, солдат, в начале боя выбежавший из строя, остался в живых, отделавшись лишь легкими ушибами и царапинами.

К Квинту приблизился всадник в сверкающих доспехах и, спешившись, подошел к нему.

– Вижу, центурион, вам пришлось несладко, повезло, что бой был рядом с фортом. Там как раз находился отряд тяжелой кавалерии. Нечасто встретишь подобное подразделение на южной границе.

– Да, если можно считать то, что вы видите вокруг себя везением, – все перед глазами Квинта расплывалась, и человек перед ним был не более, чем мутным образом. Голова закружилась, и он тяжело осел на песок.

– Эй, похоже, тебе сильно досталось, – всадник наклонился к Квинту и помог снять шлем. Сквозь пелену перед глазами удалось рассмотреть отличительные знаки военного трибуна двенадцатого легиона.

– Боги! Квинт!?! Неужели это ты!?! Как я рад, что все-таки решил участвовать в спасении гибнущей центурии!

Квинт поднял взгляд, попытавшись рассмотреть человека перед ним, но зрение отказывалось фокусироваться, заволакивая все вокруг туманной дымкой.

– Мы знакомы?

– Ну конечно! Это же я – Кай, Кай Алфий. Мы вместе служили в легионе твоего отца.

– Кай, что ты делаешь на южной границе?

– Это долгая история, дружище. Вставай, надо доставить тебя к врачу.

Кай помог Квинту подняться и усадил его на лошадь позади себя. Центурион чувствовал, что сознание вот-вот покинет его, и оставалось лишь что есть силы держаться в седле.

Свет для Квинта померк, не успела лошадь сделать и дюжины шагов.

Палатка командира легиона, совсем юный Квинт и еще живой отец. Во сне легат, как обычно, наставлял своего сына, готовя юношу к суровым испытаниям, что приготовило для него будущее.

– Сын, священный долг нашего рода – служить Республике и карать ее врагов. Запомни, враги – это не только соседи и варвары, устраивающие набеги. Враги бывают и внутри Республики, они, словно паразиты, грызут ее изнутри, пьют ее кровь. Они опаснее прочих так, как до последнего момента ты не знаешь, кто из людей, выступающих перед толпой на форуме, сжимает кинжал за спиной...

Квинту снилась его мать. Он не помнил ее лица, не помнил ее голоса, но слова колыбельной и нежное ощущение присутствия любящей матери, не оставляли сомнений. Она умерла, когда маленькому Квинту было два года.

Центурион очнулся, поняв, что лежит на койке.

«Похоже, я все-таки удержался на лошади», – с удовлетворением подумал Квинт.

Приподнявшись на локте, он увидел вокруг еще кровати и людей на них. Часть солдат были из его центурии, других он не знал. Квинт попытался ощупать свою голову, но рука наткнулась на влажную ткань – левый глаз и половину лица покрывала повязка.

– Очнулся? Вот и отлично. Ты потерял много крови и упал с лошади во время пути в форт. Рад, что ты остался жив, – напротив кровати сидел Кай, теперь Квинт узнал его.

Друг мало изменился с момента их последней встречи. У него были все такие же светлые волосы, как много лет назад, и орлиный нос, в юности служивший поводом для подколов. О прошедших годах можно было узнать лишь по глазам.

Во время их службы – ярко голубые, а сейчас потускневшие. Они, словно померкли от вида смерти, крови и боли.

– Что с моими людьми? – Квинт не узнал своего голоса. Хриплый и надсадный он больше подходил дряхлому старцу, чем молодому мужчине.

– Все кто остался жив – здесь. Если бы ты не вывел центурию к соседнему форту, вас бы всех перебили. Не представляю, как тебе удалось сделать это в такую бурю.

– Я хотел вернуться моему форту, а когда буря утихла думал, что мы вовсе оказались глубоко в пустыне. Случайность...

– Нет, не случайность, Боги благоволят тебе сегодня. Ты раскрыл крупные силы пустынников, готовящие набег на нашу территорию. Благодаря тебе сотни мирных граждан осталось в живых.

– Да, но мы заплатили цену, – Квинт вспомнил, что из его центурии, насчитывавшей девяносто три человека, в живых осталось лишь двадцать четыре, и неизвестно, сколько еще умрет от ран в ближайшие дни.

– Ладно, вставай, идем наверх, в северную башню. Там тебя ждет вино и информация. Очень важная информация.

Кай поднялся со стула и вышел из лазарета. Квинт полежал еще пару минут и, собравшись с силами, встал с кровати. На удивление, он чувствовал себя несколько лучше, чем предполагал. Голова болела, а кости ломало так, словно по нему маршировал легион, но он был жив, и это главное. Подойдя к зеркалу, висящему на стене у двери, Квинт разглядел там человека с наполовину забинтованной головой. Снимать повязки и смотреть, на что теперь похоже его лицо, он не стал.

За дверью лазарета его ждал легионер с эмблемой двенадцатого «Бурого» легиона, где служил Кай. Солдат проводил Квинта до верхней площадки одной из башен форта. Под широким навесом стояли два кресла и небольшой столик между ними. На одном из кресел, закинув ногу на ногу, сидел военный трибун.

– Вот и ты, садись, – Кай кивнул на кресло рядом с собой и наполнил два бокала вином из стоящего рядом глиняного кувшина. – Ленское вино. Ты наверное и забыл, как оно пахнет, но это не удивительно, если вспомнить, где ты служишь.

Квинт сел на предложенное место, но к вину не притронулся:

– Кай, я рад тебя видеть, но что ты тут делаешь?

– А я вижу, ты ни капли не изменился за эти годы. Сразу к делу, ну что же, – трибун отхлебнул вина и продолжил. – Отвечу кратко, как ты любишь. Септим Юний собрал свои легионы и теперь двигается на столицу, чтобы, как он выразился: «Уничтожить Республику и стать ее правителем». Кроме того, Сербия стала сепаратистом и объявила независимость.

Квинт одним глотком осушил бокал. Ненароком у него промелькнула мысль, что все услышанное является бредом, и сейчас он мирно лежит в лазарете форта, пуская слюни.

– У меня была такая же реакция, – Кай заново наполнил бокалы.

– Но как... Юний, он же настоящий герой. Он отразил наступление дикарей с севера и бился на равнине близ Хосса, до тех пор пока Мерийский Султанат не заговорил о мирных переговорах.

– Как видишь, так случилось. Это не шутка и не театральная фокус. Наш лучший полководец действительно предал Республику.

– А что с Сербией? Почему она взбунтовалась? – Квинт залпом выпил еще бокал вина.

– Никто точно не знает. Но если учитывать, что еще век назад Сербия была вольным княжеством, думаю, сепаратистские настроения витали там постоянно. В Сенате их не замечали либо из-за слепоты, либо из-за блеска золота. Печально говорить, но, возможно, что оба варианта верны.

– Ты не ответил на вопрос, что ты тут делаешь?

– Я как раз хотел к этому перейти. Все доступные силы сейчас мобилизуются в полевом лагере в провинции Велерия. Таков первоначальный план или, по крайней мере, это то, что мне положено знать.

– Понятно, мой легион идет туда, значит, иду и я. Хотя от моей центурии осталась лишь горстка людей, – кивнул Квинт.

– Ты знаешь, я тут подумал... учитывая вышесказанное, твои заслуги и верность Республике, я думаю, что смогу устроить тебя в мой легион. Будешь центурионом. Думаю, Кальвус одобрит твою кандидатуру. В вопросах приема рекрутов он ко мне прислушивается.

– Кальвус Корилл? – Квинт посмотрел на друга.

– Да.

– Говорят, что они с Юнием были друзьями. А теперь стали врагами...

– Так часто бывает в жизни, дружище. Ну, так что? – Кай хлопнул по столу ладонью. – вступишь в бравые ряды двенадцатого легиона «Бурый»? Ты можешь взять с собой верных тебе людей. Хорошие солдаты нам никогда не помешают.

– Я согласен, а верных людей у меня не осталась, все они там, – Квинт кивнул в сторону пустыни. Помимо воли перед глазами застыл образ головы Тита Симмаха на наконечнике копья.

– Вот и отлично. Утром выступаем. Легат одиннадцатого уже оповещен о приказах. А теперь надо отметить твоё чудесное спасение. Кстати, благодарности принимаются.

Квинт ухмыльнулся и отпил вина, но через несколько секунд сказал, помрачнев:

– Утром мне надо будет выполнить обязанности центуриона.

* * *

Человек пытался стыдливо прикрыть свою наготу руками, его голова была опущена, а взгляд застыл на пыльном плацу форта. Перед ним двумя рядами выстроились солдаты, каждый из них сжимал в руке длинную узловатую палку.

– За неподчинение приказу, оставление строя, нарушение дисциплины, Ул Тритий приговаривается к прохождению сквозь строй центурии, которую он подвел своими преступлениями. Товарищей из его центурии осталось мало, и поэтому солдаты из другой с радостью согласились помочь заплутавшему брату по оружию искупить свою вину, – голос Квинта гремел на плаце так, что каждый из сотни присутствующих слышал его.

Как центурион он мог и должен был казнить ослушавшегося приказа новобранца, но Квинт чувствовал, что следует поступить иначе. Мальчишка по большей части не виновен, вина лежит на советниках Магистрата, определивших двух братьев в одно подразделение и тем самым почти убив обоих. Понеся наказание, Ул либо станет прекрасным солдатом, либо сломается и погибнет в следующем бою. В любом случае, Квинт будет знать, что сделал все возможное, чтобы сохранить мальчишке жизнь.

– Вперед!

Юноша старался держаться. Хотя его и трясло, он выпрямился и, прикрывая наготу, пошел вперед с поднятой головой. Палка свистнула в воздухе, и на спине парня вспыхнула красная полоса. Он сжал зубы.

Второй удар, вторая полоса. Теперь на его спине был ярко-красный пульсирующий крест, словно метка обреченного на муки.

Третий. Снова свист. Пятый. Мальчишка издал стон, еще крепче сжав зубы. Еще удары, еще свист. Полосы покрывали все тело. Из рта приговоренного вырвался крик.

Двадцать. Тридцать. Его спина больше не напоминала спину обычного человека, кровь струйками стекала с нее, образуя красные дорожки, отмечающие путь. Сорок пять. Руки покрыты волдырями, на ногах начинают наливать огромные синяки. Шестьдесят. Он упал, но через несколько секунд поднялся и, шатаясь, побрел дальше.

Легионеры били без злобы, но с чувством, понимая, что помогают своему товарищу искупить вину, а не пытаются его. Крики и свист ударов звучали в унисон. Семьдесят, семьдесят пять. Спина превратилась в одну сплошную рану.

Один из солдат ударил его в лицо, ломая нос, юноша упал, но пополз дальше. Восемьдесят девять. Кричать сил больше не было, парень полз, хрипло стона. Удар по ребрам, по шее, в живот. Девяносто два. Удар выбил изо рта алые брызги.

Все.

Мальчик упал, но тяжелое прерывистое дыхание свидетельствовало о том, что он еще жив.

– Капсария сюда, отнесите его в лазарет, – закричал Квинт. Центурион надеялся, что парень выживет и продолжит служить Республике.

Легион на марше всегда представлялся Квинту, как нечто завораживающее. Еще в детстве, сидя с отцом на лошади, он с упоением наблюдал за идущими в ногу стройными колоннами солдат в сверкающей броне. Впереди двигался конный авангард, выполнявший задачу разведки, и должный отступить под прикрытие основных сил при контакте с неприятелем. В центре легиона располагался обоз. Его защита была важнейшей задачей на марше.

На южной границе находились три легиона, но Кай решил не дожидаться подхода остальных, двинувшись в путь в составе одиннадцатого. Квинт с детства был привычен к походной жизни. Тяжелые марши с ночевкой в маленьких палатках и общая незамысловатая пища, приготовленная в огромных котлах на кострах, не были в тягость для него. Рутину солдатской жизни скрашивали беседы с Каем. Квинт получал огромное удовольствие, часы на пролет разговаривая со старым другом. После стольких лет разлуки им было что обсудить.

Всполохи костра играли на лицах друзей. После утомительного дневного перехода хотелось лишь поесть простой солдатской пищи и уснуть под храп товарищей. По военной стратегии полагалось после каждого дневного перехода строить укрепленный лагерь на ночь, но при передвижении по своей земле надобности в этом не было. За несколько дней похода легион преодолел треть

пути до лагеря в Велерии. Такой отличный результат обуславливался прекрасным качеством дорог в Республике. Многие мили ровных трактов обеспечивали логистику большого государства, соединяя друг с другом даже самые отдаленные уголки страны. В мастерстве строительства путей Республике не было равных во всем мире.

– Так значит, ты сразу перешел служить в «Бурый»? – задал вопрос Квинт.

– Нет, совсем нет. Мне пришлось изрядно помотаться по разным легионам прежде чем вступить в «Бурый». Одно время даже подумывал о политической карьере, но... мне не слишком везло на этом поприще, и я решил отложить все это. А ты не задумывался об этом?

– Не задумывался ли я о том, как буду выступать в Сенате, вести дебаты на форумах и спорить с оппонентами о том, чего сам до конца не понимаю? – Квинт подложил полено в начавший угасать костер. – Нет, это точно не мое. Мне проще встретить врага с мечом в бою, чем плести интриги у него за спиной. К тому же, не всегда понятно, кто твой враг, а кто друг.

– Понимаю тебя... А ты? Был в Вечном Лесу с отцом когда...?

– Да, я был с ним до конца... – Квинт сжал зубы.

– Вот дерьмо... – Кай откупорил бурдюк с вином и сделал глоток. – Будешь?

– Давай.

Квинт взял бурдюк и выпил несколько глотков.

– Корилл, какой он? – спросил Квинт, вернув вино.

– Некоторые говорят, что он плохой политик – слишком гордый и принципиальный, но свое место он получил не за красивые речи. Он тот тип командиров, которые не просто отправляют людей в бой, они ведут их за собой. Если легион теснят, то будь уверен, Корилл появится там с первой когортой. Мне кажется, вы поладите.

– Поглядим.

– Надеюсь, мы сможем посетить Рэм, обещаю выбить у легата увольнительную на пару дней, – Кай мечтательно улыбнулся. – О, дружище, не знаю, бывал ли ты там, но какие в Рэме сады, форумы, амфитеатры и, конечно, бордели. Девочки там умеют делать такое, что сам мерийский султан со своим гаремом позавидовал бы. Надо только знать места.

– Я был в Рэме, когда давал присягу. Я запомнил мраморные храмы, огромные мосты, прекрасные фонтаны и здание Сената, олицетворяющее нашу Республику, – Квинт улыбнулся, вспоминая все это.

– Похоже, ты был в столице, но не видел ее, – в свете костра лицо Кая выражало печаль.

– О чем ты?

– Патриции богатеют, бедных становится все больше. Огромные кварталы трущоб и толпы нищих на улицах. Чтобы увидеть истинное лицо города, надо лишь отойти от его центра. А Сенат... Сенат уже давно не олицетворяет свободу и все то, за что сражались и умирали наши предки. Сенатские группировки поделили влияние и власть. Они управляют Республикой ради себя, но никак не граждан.

Надолго повисло молчание.

– Нет, я не верю... Как такое могло произойти?! Как допустили такое?! – воскликнул Квинт.

– Дopusтили? Это не вчера произошло, дружище.

– Нет, это невозможно...

Квинт встал и вошел в палатку. Завтра предстоял трудный марш, и надо было хорошо выспаться, но он догадывался, что не сомкнет глаз до рассвета.

Лагерь войск походил на огромный муравейник; колонны солдат вливались в него, словно ручьи в озеро после дождя, сотни телег с припасами разгружали продовольствие, материалы, инструменты и другие столь необходимые армии вещи. Деревянный частокол со рвом и защитными кольями окружал огромный город палаток, конюшен, мастерских и кузниц. Внутри лагеря не прекращая маршировали центурии легионеров, подгоняемые выкриками своих командиров. В центре располагался преторий – огромная палатка командующего, между ней и остальными шатрами оставалось свободное пространство, должное отделить и показать статус командира.

Квинт и Кай на своих лошадях то и дело останавливались, пропуская колонны солдат, марширующие по лагерным улицам. Кто-то окликнул Кая по имени, и тот обернулся.

– Ты не умер в пустыне без вина и женщин? Удивительно! – осклабился человек с отличительными знаками военного трибуна десятого легиона «Тенебрис».

Кай вспрыгнул с лошади и с серьезным видом ответил:

– Кто ищет, тот всегда найдет, – но потом рассмеялся и хлопнул мужчину по плечу. – Не будь ты трибуном и моим другом, я бы приказал бить тебя палками, пока у тебя не пропадет всякое желание думать о женщинах. Это Корнелей – мой друг из десятого легиона. Я перекинусь с ним парой слов и догоню тебя у претории. – Сказал Кай Квинту.

Центурион кивнул и направил свою лошадь дальше по главной лагерной улице.

Командирскую палатку окружала цепь солдат с отличительными знаками первой когорты первой центурии двенадцатого легиона. За подвиг в битве на Солнском холме солдаты легиона получили право носить повязку бардового цвета на левой руке. Она символизировала их жертву и кровь, пролитую во благо Республики в тот день. По этой же причине двенадцатый легион назывался «Бурый».

Не успел Квинт приблизиться ко входу в преторий, как Кай догнал его и возбужденно зашептал на ухо:

– Ты представляешь, Сенат назначил Кальвуса Корилла «Мечом Республики»!

– А чему ты так удивлен, разве он недостойн этого?

– Конечно, достоин! Я удивлен лишь тем, что «Меч Республики» не назначали уже много лет, видимо, Сенат и впрямь в кои-то веки правильно оценил угрозу. Никто другой не подошел бы на эту должность лучше, чем Корилл. Он знает Юния и сможет достойно ответить ему на поле боя.

Квинт кивнул, и они вместе подошли ко входу в шатер легата.

– Стоять, кто идет? – солдат, охранявший вход, выступил вперед, преграждая путь.

– Легионер, ты не узнал военного трибуна своего легиона? – Кай бы спокоен, но в его голосе чувствовались морозные нотки, предвещающие большую бурю.

– Извините, трибун, я, конечно, вас узнал, но кто рядом с вами? Я не могу впустить его без приказа, – промямлил часовой, побледнев.

– Это – центурион-ветеран одиннадцатого легиона, а в ближайшем будущем центурион нашего. Так же он мой старый друг. Этого достаточно? – все также спокойно ответил Кай.

– Да, трибун, я думаю да. Проходите, – солдат отступил, пропуская их внутрь.

Квинт шагнул под тяжелый полог и сразу же отметил, что в отличии от других шатров командующих здесь было светло и просторно. Больше дюжины ламп висело вдоль тканевых стен, а через своеобразное окно, вырезанное в дальнем пологе, открывался вид на плац лагеря. Не было ни дорогих ковров на полу, ни изысканной мебели из черного дерева Вечного Леса, не было даже серебряной посуды. Квинт отметил, что внутренне убранство скорее подходило палатке легионера, нежели штабу человека, командующего всеми силами Республики. Из мебели был лишь небольшой стол у «окна», простая кровать с матрасом из соломы и стенд с картой во всю стену. За письменным столом сидел человек с лысым, чисто выбритым черепом. Украшенное шрамом лицо поднялось от бумаг, и холодные голубые глаза прожги вошедших взглядом.

– А, это ты Кай. Очень хорошо, твое присутствие означает, что южные легионы прибыли, а кто это с тобой?

– Это Квинт Марий – центурион одиннадцатого, мой старый друг, хочу порекомендовать его для вступления в наш легион, – даже учитывая скорее дружеские отношения между военным трибуном и легатом, чувствовалось, что Кай нервничает.

– Квинт Марий... Я знал твоего отца, он был отличным человеком и хорошим воином. Странно, что мы раньше не встречались.

– Благодарю вас, – Квинт слегка склонил голову. – Мы виделись один раз, в лагере легиона отца, вы приезжали туда во время кампании в Вечном Лесу.

– Что-то не припоминаю... Хотя та кампания обернулась настоящим кошмаром, неудивительно, что все воспоминания перепутались... Значит, ты хочешь стать центурионом моего легиона?

– Да, легат.

– Тебе повезло, центурион пятнадцатой центурии третьей когорты ушел на пенсию по возрасту и ввиду многочисленных ранений в прошлом. Его место свободно, а ты уже опытный командир, и за тебя ручается Кай, которому я доверяю, – трибун кивнул, подтверждая слова командира. – Хорошо, назначаю тебя, пока временно, центурионом пятнадцатой центурии третьей когорты двенадцатого легиона «Бурый». Если ты меня не подведешь, то можешь рассчитывать на рост по службе. Под моим началом все способные командиры могут рассчитывать на это, а пришедшие в легион лишь ради «очков» в дальнейшей политической карьере никогда не задерживаются надолго. Если, конечно, переживают свою первую битву... – Корилл улыбнулся, из-за чего шрамы на его лице показались еще более устрашающими.

– Я вас не подведу, – ответил Квинт.

– Приказ о назначении ты получишь завтра, а пока... Солдат! – из входа в палатку тут же показался легионер, так опрометчиво не пускавший их. – Проводи нового центуриона к его людям. А с тобой Кай мне нужно кое-что обсудить.

Квинт покинул ставку командующего со странным чувством, оно напоминало ощущение перед боем – непонятное шевеление в груди не позволяло полностью вдохнуть и расслабиться. Центурион встряхнул головой и последовал за легионером к уже его людям.

V

Септим Юний.

Северная провинция Ултан. Лагерь войск Юния.

Полы шатра бились на свежем северном ветру. Снаружи шел дождь со снегом, под вечер температура сильно упала, и маленькие лужицы покрылись паутинками льда, а поднявшаяся за день трава вновь опала. Часовые у входа переминались с ноги на ногу, время от времени смахивая снежинки с заиндеветших ресниц. Не смотря на ненастную погоду, внутри шатра было не продохнуть, благодаря почти трем десяткам людей, собравшихся там. Легаты легионов вместе со своими трибунами обступили богато украшенный стол с резными ножками из черного дерева. Офицеры перешептывались между собой, склонившись над огромной картой с отметинами, изображающими положения войск и предполагаемые планы действий. Мужчина во главе внимательно слушал остальных, опершись руками о край стола. Львиная шкура украшала его плечи, а гордая осанка выдавала в нем человека, привыкшего повелевать.

– Лояльные Сенату войска собираются в провинции Велерия. По нашим сведениям, на данный момент силы противника насчитывают пять легионов, но войска еще прибывают, и разведка предполагает семь-восемь легионов противника через пару недель, – легат закончил доклад, и все посмотрели на седого мужчину во главе стола.

– Господа легаты, военные трибуны, доклад разведки означает, что теперь наша любимая Республика ввергнута в состояние гражданской войны, и будет ложью сказать, что мы стали этому причиной. Истинной причиной явился продажный Сенат, грабящий страну ради собственных интересов. Я не подчинился их приказу так, как знаю, что без поддержки легионов после прибытия в столицу

меня лишат всех полномочий и предъявят обвинение по заранее сфабрикованному делу. К тому же, Сенат уже многие годы не служит Республике. Я могу утверждать, что многие из сенаторов давно куплены Астией и действуют сугубо на благо себя и короля Конрада IV, – Юний пригладил седые волосы и продолжил. – Прежде всего, нам следует заручиться союзником или хотя бы обеспечить их нейтралитет.

– Вы говорите о Сервии? – спросил молодой трибун первого легиона.

– Именно о ней, – Юний улыбнулся. – Их отделение стало неожиданностью не только для нас, но и Сената. Я уверен, что они сделают все возможное, чтобы мы не объединили силы. Мы не можем себе позволить оставить в тылу на северо-западе не определившуюся сторону конфликта. Сервия либо с нами, либо против нас.

– И как вы собираетесь с ними договориться, Сервия прервала всякое сообщение с внешним миром и не пускает никого на свою территорию, – легат по правую руку от Юния задал вопрос, занимающий всех за столом.

– Я лично поеду и буду говорить с тем, кто у них сейчас главный. Я соглашусь на любые условия и предложу любые блага, чтобы привлечь их на нашу сторону в этой войне.

– Это опасно! Вы не можете поехать без войска, но и нельзя уводить легионы. Тогда Сенат оттеснит нас на территории, где мы не сможем снабжать солдат продовольствием и всем необходимым, – седой легат встревожено посмотрел на командира.

– Да, старый друг, ты прав. Легионы останутся здесь, со мной в качестве личной охраны отправятся лишь две когорты четырнадцатого легиона, и отправляюсь я этим же утром. Поэтому, господа, вы должны вести легионы на юг, в земли, где мы сможем их обеспечить. Жалование солдатам платите из моей личной казны, а продовольствие берите у местных. И запомните: берите только за деньги, мы находимся на своей земле, и даже лояльные Сенату граждане – наши соотечественники. Случаи мародерства и разграбления пресекайте самыми жесткими мерами. Я уверен, что Сенат уже распустил лживые слухи о том, что я хочу захватить власть любыми средствами, и мы должны показать – простые граждане нам не враги.

– В плодородных землях будут и силы противника, как мы проведем битвы без вас?

– Не вступайте в крупные столкновения, используйте легкую пехоту и вспомогательные части, при встрече с крупными силами отходите и ждите моего возвращения. Если все пройдет удачно, я вернусь с союзниками. На этом все, господа, доброй ночи.

Участники собрания прощались, укутывались в плащи и выходили из палатки во власть хлесташего ветра. Юний стоял у входа, ободряя и дружески улыбаясь каждому. Солдаты встречали своих командиров и вместе отправлялись к своим легионам.

Когда за последним человеком опустился полог палатки, легат рухнул в кресло:

– О, Григор, как я устал, – еще несколько секунд назад Юний выглядел полным жизни и энергии, а теперь в шатре сидел старик с низко опущенной головой и темными кругами под глазами.

– Да, генерал, но никто кроме вас не способен завершить все то, что вы начали, – молодой военный трибун четырнадцатого легиона сел рядом с ним.

– Да, мальчик мой, я понимаю. Ты до сих пор называешь меня на «вы», хотя, я надеюсь, за эти годы мы стали друзьями.

– Вы взяли меня к себе еще ребенком, в те дни я целыми днями слонялся по улицам вместе с другими бездомными и воровал ради куска хлеба. Меня чуть не казнили, но вы вмешались и взяли к себе, а потом воспитали, как собственного сына. Я тот, кто я есть только благодаря вам. Мне просто непозволительно обращаться к вам иначе. Вы уверены, что должны уехать?

– Я не вижу другого выхода. Хуже врага в тылу, только неизвестность.

– Если так, то я еду с вами.

– Нет, мальчик мой, – Юний улыбнулся. – Ты должен остаться здесь и выполнять обязанности легата в мое отсутствие. Солдаты знают и любят тебя так, что

проблем не будет.

– Если вы так прикажете. Доброй ночи, – трибун отдал честь, приложив кулак к сердцу, и вышел.

Палатка опустела. Юний снял, затем уложил на стойку доспехи, которые носил весь день дабы не давать поблажек стареющему телу, и лег на жесткую солдатскую постель.

Он не мог уснуть, как не мог уснуть уже долгие годы с того момента, как его жена – милая Юлия умерла от эпидемии красной чумы. Мысль о ней, не прекращая, преследовала Юния, отступая лишь во время битвы. Возможно, бесконечная война с северянами, не сколько тяготила его, сколько манила желанным забвением?

Север – это бесконечные мили лесов, холмов и болот, населённых десятками разнообразных племён от поклоняющихся Льду «Детей Бурана» до безумцев, создающих доспехи из костей поверженных врагов. Варвары практически не знают мира, постоянно воюя с Республикой, либо грызясь друг с другом за власть и территории. Долгие годы Юний отражал нападения на границы, совершал походы на непокорные племена, заключал союзы, стравливая своих противников между собой, пытаясь не одним лишь оружием достичь победы в этой нескончаемой войне. Только благодаря ему на Севере установилось шаткое равновесие, но кто знает надолго ли, ибо нравы дикарей настолько же переменчивы и суровы, как и местная природа.

Юний ворочался, крутился на своем ложе, но уснуть никак не получалось. Днём генерал заражал своей энергией других, помогая им советом, подбадривая, вселяя уверенность в своих людей, но сейчас в его голове роились тысячи мыслей, жала и вгрызаясь в плоть, подобно диким пчелам. Случалось, что по ночам солдаты видели Юния блуждающего по лагерю. Генерал подсаживался к legionарам, беседовал с ними и переходил к следующему костру. Днём Юний всегда был окружен верными товарищами и солдатами, вместе с которыми прошел десятки кровавых битв, но ночью прославленный полководец сражался со своими демонами в одиночку. Они грызли, терзали его душу, цепляясь когтями, разрывали ее в клочья.

«Демоны всегда приходят ночью, и самый страшный из них – это демон одиночества.»

В палатках вокруг него спали сотни солдат, рядом за тонкой тканью, не смыкая глаз, дежурили верные ему люди, готовые отнять и отдать жизнь за него, но генерал был одинок. Невидимый барьер отделял его от других. Насколько подчиненные не были бы верны, но пост легата, как и капитана корабля, всегда сводился к одиночеству, и это было невыносимо.

Серые лучи восходящего солнца пробивались в палатку сквозь отверстия в пологе. Сизые столпы света падали на предметы в комнате, казалось, наделяя их сокровенным смыслом и предназначением. Септим наблюдал за светом воспаленными от усталости глазами, пытаюсь понять, что Боги хотят донести до него. Бронзовый кубок, меч и доспехи на стойке, карты на столе. Все они словно светились изнутри, излучая собственную энергию.

Хватит. Тьма прошла, а с зарей ушли и демоны, пора идти. Легат поднялся, с трудом управляясь с заиндевевшими за ночь полу-забвения членами, и начал облачаться в доспехи. В лагере трубили подъем, как обычно, в шатер вошел Григор с докладом.

– Генерал, префект лагеря докладывает, что поймали соглядатаев врага.

– Далеко? – Юний застегивал наколенник доспеха.

– Далеко от главного лагеря. Их задержал конный патруль.

– Я разберусь по дороге, спасибо Григор.

Юний бодрым шагом вышел из палатки, на ходу застегнув ремешки шлема. Взлетев в седло подготовленного для него жеребца, генерал поправил меч на боку и пустил животное легкой трусцой. Проезжая по лагерю, он поднимал руку, отвечая солдатам на звучащие отовсюду приветствия и возгласы одобрения. Отряд кавалерии двигался следом, а когорты, выбранные для похода, строились и выступали за ним. Солдаты прощались с товарищами и возносили короткие молитвы Богам, прося даровать им силу и мужество.

Весна здесь не походила на тёплое благодатное время, как в центральных провинциях. Приближалось короткое лето, и все вокруг пробуждалось ото сна, воя и гремя всполохами молний. Вновь пошел дождь с мокрым снегом, и легионеры шли, утопая в вязкой жиже, в которую превратилась земля, в мыслях проклиная дикую северную природу. На границе территорий, контролируемых войсками Юния, на дорогу выехал конник.

- Генерал, - всадник приложил кулак к сердцу. - Пойманные разведчики ожидают вас.

Приказав когортам следовать дальше, Юний свернул с дороги и последовал за солдатом к небольшому фермерскому хозяйству.

Главный дом представлял собой жалкое зрелище: крыша обвалилась и теперь напоминала припорошённый грязным снегом скелет кита, ветхие каменные стены поросли мхом, а дверь скалила зубы выломанными досками. Следы гари на окнах даже спустя столько времени напоминали о мрачном прошлом. Рядом с заросшим огородом стоял покосившейся сарай. В прежние времена, когда в доме кипела жизнь, там хранили инструменты или держали собак.

Около входа дежурили два легионера. При виде легата они отдали честь и расступились, освобождая проход. Опершись рукой о дверной проем, он поднырнул под низкий потолок. В помещении воняло мочой и гнилым деревом, внутрь свет просачивался лишь сквозь вход и трещины в деревянных стенах, отчего было трудно что-либо рассмотреть. Юний напряг зрение и увидел двух связанных человек, лежащих ничком на куче старой соломы.

- Они видели нашу диспозицию и количество войск? - обратился Юний к префекту лагеря первого легиона, солдаты которого и задержали соглядатаев.

- Нет, генерал. Их схватили далеко от лагерей легионов. Они ничего не видели.

- Отпустите их, - Юний вышел из сарая на морозный воздух.

- Но как отпустить, разве так поступают с лазутчиками? - префект лагеря казался растерянным.

Юний развернулся и ответил:

– Префект, не забывайте, они – наши соотечественники и такие же солдаты Республики, как и мы, просто их командиры выбрали не ту сторону. К тому же, они ничего не видели. Не стоит попросту проливать кровь наших легионов. Слабостью Республики рано или поздно воспользуются, и тогда каждый солдат будет на счету.

– Так точно, генерал.

Септим сел на коня и поскакал за ушедшей вперед колонной.

Шел холодный дождь, промозглый ветер пронизывал до костей, солдаты прятали лица в капюшонах, на ходу плотнее кутаясь в плащи. Конь под Юнием ритмично переставлял ноги, успокаивая седока и, навевая тревожную дремоту. Разведчиков разослали вперед колонны солдат, и можно было не опасаться попасть в засаду дикарей.

Легат был погружен в свои мысли. Десять лет назад, только отправляясь на север по поручению Сената сражаться с северными дикарями, он не мог и догадываться к чему все приведет: война с лживым, прогнившем сердцем Республики во благо граждан, даже если они сами этого пока не понимают. Но это ли главная причина...?

Десять долгих лет Юний шаг за шагом приближался к своей цели. Он создавал армию верных людей, готовых пойти за ним на самое страшное – войну со своими братьями. Одних легатов переманивал на свою сторону уговорами и долгими беседами один на один, других ставил перед выбором: быть за него или против. Все деньги, полученные от войны с племенами варваров, Юний хранил и сберегал и даже свою личную казну перевез на север так, как знал, что как бы не были преданы легионы, солдаты не смогут сражаться голодными и безоружными. И теперь время, о котором он так долго думал, наступило. После получения приказа Сената явится в Рэм Септим понял, что надо действовать.

Раньше мысли о поражении не тревожили разум Юния, но что будет, если Боги отвернутся от него? Если он проиграет, потомки будут знать его лишь, как предателя Республики? Отцы будут учить своих сыновей мужеству и любви к родине, приводя в пример продажный Сенат, а в пример труса и изменника

рассказывать о мятежном полководце Септима Юние?

- Генерал? - голос командира отряда телохранителей отвлек Юния от тяжелых мыслей.

- Да, центурион?

- Разведка докладывает, что впереди замечен отряд дикарей, они двигались по направлению на деревеньку, недалеко от нас.

- Сколько их?

- Около сотни. Сейчас варвары на привале, похоже, обедают, - лицо солдата исказила хищная улыбка.

- Хорошо, обустроивайте лагерь. Я беру с собой три центурии и кавалерию за исключением всадников, необходимых для охраны лагеря. Выполнять!

- Есть, генерал!

Юний был рад неожиданной встрече не только из-за того, что ненависть к свирепым северным дикарям многократно возросла за годы сражений с ними, но и потому, что в пылу битвы можно забыться от тяжких дум.

Надеясь на поживу, северяне расположились на большой прогалине в лесу, рядом с дорогой, ведущей в одну из мелких деревень неподалеку. Лагерь дикарей представлял собой хаотичное скопище меховых шатров и палаток вперемешку с грубыми кострищами. Рядом с огнем сидели северяне и ели мясо. Одетые в шкуры, косматые, бородатые, грязные варвары вызывали в душе Юния лишь гнев и желание уничтожить каждого из них. Отомстить за десятки разграбленных поселений и тысячи убитых граждан его страны.

План атаки сложился в голове генерала в одно мгновение. Юний с одной центурией должен атаковать лагерь в лоб, а через некоторое время остальные подразделения окружат связанных боем варваром. Когда противник побежит, покинув лагерь, кавалерия настигнет отступающих на открытом пространстве.

Солдаты прибыли на позиции, стараясь не шуметь на сколько это позволяли доспехи, и замерли в ожидании приказа. Деревья качались под порывами ветра, вечнозеленые ели кренились и скрипели, создавая дополнительную маскировку. Пар вырывался из десятков ртов. Белесые облачка поднимались в воздух, где сразу же развеивались, становясь не более, чем призрачным маревом.

– Вперед! – Юний скомандовал атаку. Трубы прогремели, и центурион повел солдат в бой.

Варвары тут же заметили противника. Лагерь наполнился криком и гвалтом. Люди выбегали из палаток и, поспешно одеваясь, сбивались в кучу напротив наступающих легионеров. Дикари думали, что силы равны и не испытывали страха. Шаман, одетый в шкуру белого медведя с его черепом на голове, прыгал и плясал, пытаясь воодушевить своих воинов. Сами варвары выкрикивали ругательства и всем своим видом показывали пренебрежение к противнику. Многие были по щитам примитивным оружием из кости и некачественного железа, поднимая страшный шум, призванный подорвать боевой дух противника.

Первый ряд центурии метнул копья. Несколько дикарей упали, сраженные сталью, остальные с ужасным воем устремились на легионеров. Линии сошлись и закипела рукопашная. Черная земля с вкраплениями подтаявшего снега окрасилась красным.

Со своего места Юний видел, что шаман дикарей бежит за спинами товарищей, подбадривая их громкими выкриками.

– Вторая линия! – скомандовал Юний стоящему рядом солдату.

Три протяжных сигнала трубы прозвучали в студеном воздухе. Еще две центурии вышли по флангам лагеря и устремились на врага. Дикари занервничали и начали шаг за шагом отступать в противоположный край лагеря, оставляя за собой убитых и раненых. Спустя несколько минут они все же дрогнули и устремились к спасительному лесу, намереваясь отомстить позже. Но им было не суждено этого сделать. Кавалерийский отряд, до этого скрытый деревьями, налетел на варваров смертоносной лавиной стали, рубя и кроша все на своем пути.

– Ну вот и все, – сказал Юний и развернул лошадь обратно в лагерь. Солдаты знают свое дело – собрать трофеи и добить раненых они смогут и без него.

Ко времени возвращения к основным силам лагерь был уже готов, и Юний принял решение остаться там на ночь. Солдатам необходимо было отдохнуть после боя, а продолжать марш ночью – не лучшая идея на севере. Трофеев досталось немного, видимо, дикари только недавно покинули родные края и еще не успели набить мешки добром.

Из северян выжил лишь один. Шаман, оглушенный ударом щита, все время пока его людей убивали пролежал на земле и попытался убежать, когда появилась возможность, но спастись бегством от всадников – почти невыполнимая задача даже для физически выносливых дикарей. Пинающегося и царапавшегося, норовившего при любой возможности плюнуть в лицо удерживающим его солдатам и воняющего, как сотня мулов, шамана притащили в лагерь, кинув к ногам Юния. Вместе с ним центурион штурмового отряда принес знамя дикарей – бледно-розовый обрывок с нацарапанными на нем алыми символами.

– За все годы службы я никогда не видел подобного... Не знаю, даже к какому племени они принадлежат... Может «Гремуны»? – недоуменно сказал офицер.

Септим с видимой безгливостью взял тряпицу из рук солдата и проговорил:

– Нет, это точно не они, там совсем другой узор... Я не знаю этого племени. Возможно, оно только недавно возникло, и эти «герои» сразу же решили прославиться, разграбив пару деревень, чтобы потом хвастаться награбленным добром и отрубленными головами перед другими. Хотя, мы можем это узнать, – генерал повернулся к пленному. – Ну, а ты что скажешь?

– Старый Лев – хитрый, коварный, подлый... Напал исподтишка, – шаман оставил попытки освободиться от пут и теперь прожигал Юния ненавидящим взглядом.

– Вы шли грабить мой народ, убивать женщин и стариков, приносить детей в жертву вашим ужасным богам! – Юний приблизился к пленнику так, что тот, казалось, мог почувствовать пламя, бушевавшее во взгляде легата. – Если бы я мог сжечь каждое ваше селение, убить каждого мужчину, вселить страх в каждую женщину, в каждого ребенка, я бы сделал это, не задумываясь ни на секунду. Если потребуется, я, словно Эльма, спущусь в подземный мир, чтобы вы

и там не могли обрести покоя! – Последние слова Юний почти прорычал в лицо дикаря. Сердце неслось галопом, кулаки были сжаты, словно перед схваткой.

– Ахахахаха! – шаман зашелся безумным смехом, слюна брызгала в разные стороны, сквозь истерические вскрики едва можно было различать слова. – Богам! Ахаха, как ты прав, Лев, ахаха! Скоро все познают месть наших Богов, они выйдут из тьмы безвременья и поглотят ваш мир, и тогда мы – Приверженцы и Рабы Истинных Богов будем пировать на ваших костях и пожинать дары наших Хозяев! Ахахаха!

Юний отшатнулся от сумасшедшего, словно безумием можно было заразиться. Слушать подобные речи дальше не было смысла, и пользы от такого пленника точно не будет.

– Я могу сделать так, чтобы ты оказался ближе к своим проклятым Богам. Закопайте его! – Юний развернулся и удалился в свой шатер.

Было слышно, как солдаты потащили истерически визжащего шамана к краю лагеря. Несколько минут стук лопат и кирок нарушал тишину северной ночи. Через некоторое время послышался глухой стук с каким комья земли падают на тело, и смех безумца стал умолкать. Еще через минуту все стихло, но слова шамана не выходили у Юния из головы. Все время казалось, что он слышит на грани восприятия сдавленный, сиплый смех, вырывающийся из под массы земли.

Юний лег в кровать, попытавшись отбросить все мысли. Надо было попытаться хоть немного поспать, впереди ждала неизвестность...

VI

Ти.

Рэм – столица Республики.

Вся столица обсуждала избрание Кальвуса Корилла «Мечом Республики». Часть граждан всецело поддерживала такое решение, но другая не менее рьяно

осуждала. У каждой из сторон были основания так считать. Нельзя было не принять во внимание его преданность и огромные заслуги перед страной, большей воинской славой обладал лишь Септим Юний – его бывший друг и товарищ, а ныне непримиримый противник. Но граждане прекрасно знали, как Корилл относится к простому народу, поминая его выступления в Сенате с предложениями уменьшить права граждан в пользу патрицианских семей. По мнению Корилла, плебс слишком глуп и невежественен для решения даже самых простых государственных вопросов. Гордыня и откровенное презрение нового «Меча Республики» были постоянным предметом обсуждения у простых граждан.

Ти вжимался в стену темного переулка недалеко от ворот Кассия. Ночь ощущалась непривычно холодной после дневного зноя, все усиливающегося в последние дни. Юноша был закутан в черный плащ с капюшоном – неизменный спутник в подобных вылазках, под рукой находился кинжал, взятый на всякий случай, но парень надеялся, что в эту ночь он так и останется на поясе. Караул у ворот сменился, и обход периметра начался заново. С позиции Ти открывался прекрасный обзор, а сам он оставался в тени.

Что-то сильное и гибкое прижало юношу к стене переулка, через секунду горло ощутило ледяное прикосновение стали. Каждая мышца была напряжена и готова к борьбе, но Ти знал, что стоит только двинуться, и он будет кататься по грязному камню переулка, пытаясь зажать руками фонтанирующую кровью рану.

– Привет, Ти, – обдав горячим дыханием, прошептал знакомый голос у самого уха. Тяжесть, придавливающая его к стене, отступила, и он смог повернуться.

Юноша узнал обладателя голоса. В свете луны за его спиной стояла Аллисия, с улыбкой поигрывая длинным стилетом. Под темной накидкой угадывался облегающий охотничий костюм из черной кожи, практичный и удобный – незаменимая вещь в подобных обстоятельствах. Темное каре иссиня черных волос было собрано в короткий пучок на затылке, от чего хищный овал лица девушки казался еще привлекательнее.

– Испугался?

– Слегка напрягся, – Ти смог выдавить из себя улыбку.

– Наши уже здесь, в соседних переулках. Я тебя сразу заметила – шпион из тебя никудышный.

– Когда начинаем? – ушел от неудобного разговора Ти.

– Караул только что сменился. Самое время. Идем.

Девушка выскользнула из переулка и быстрым шагом пошла к воротам. Из соседних темных углов появились Марк и братья-близнецы, а следом и Гай. Все сбились в одну группу на ведущей к воротам улице и теперь шли вперед, прикрывая лица капюшонами.

Приблизившись на расстояние десяти шагов, стража их, наконец, заметила:

– Назовите себя! – выкрикнул один из них, обнажая меч.

– Сивис косит, – произнес Марк, не останавливаясь.

– А верным воздаст, – стражник спрятал меч в ножны и, развернувшись, вместе со своим товарищем, как по команде, направился в караульную рядом с воротами.

Марк выдохнул. Пока все шло точно по плану, и подкупленная стража не подвела, но было видно, что он нервничает.

– Помогите, у нас мало времени, – сказал Марк, подбежав к воротам.

Огромные сработанные в древние времена ворота с трудом поддавались общим усилиям, но, в конце концов, им удалось приоткрыть их. Аллисия взяла факел со стены и вышла за пределы города. Несколько раз горизонтально взмахнув, девушка зашла обратно.

Несколько минут ничего не происходило, но вот послышался звук – стук копыт и скрип приближающейся телеги.

– Открываем шире, – прошептал Марк.

Потратив массу усилий, они открыли ворота достаточно широко для проезда телеги, и через минуту в город въехала большая крытая повозка, запряженная двумя конями. Хмурый возница, не говоря ни слова, обвел всех взглядом и, спрыгнув с козел, скрылся в темноте за воротами. Заведя телегу внутрь города, Ти с товарищами установили засов на место и погрузились в повозку. Один из близнецов занял место возницы и уже готов был трогаться, чтобы отвезти груз на склад в одном из бедных районов, как внезапно из темноты послышался возглас:

– Ээээй, вы кто такие...? – недалеко от ворот, сильно покачиваясь, стоял человек и то и дело икал. Судя по характерной одежде, мужчина работал в одной из дубильных мастерских, расположенных в ремесленном квартале столицы. – Что там у вас, не выпивка часом?

– Дерьмо! – Аллисия тихо выругалась.

– Дружище, ну какая выпивка, нет, конечно! – Марк спрыгнул с телеги на землю и с широкой улыбкой пошел навстречу прохожему. – Действуй согласно плану, встретимся там. – Обернувшись, сказал он девушке.

Аллисия ловко запрыгнула на место возницы вместо одного из братьев и повела повозку во тьму ночных улиц. Ти продолжил наблюдать за Марком.

– Дружище, выпивки у меня нет, но я знаю, где ее можно достать много и бесплатно!

– Где!? – пьяные глаза прохожего уставились на своего нового «друга».

– Да вот там, недалеко, за углом, – Марк обнял шатающегося пьяного рукой и, бережно поддерживая, повел в переулок.

Больше Ти ничего не видел так, как угол дома загородил обзор.

Повозка катила погруженному в сон городу, Аллисия специально выбирала самые темные и малопопулярные стражей улицы Рэма, ибо встреча с патрулем сулила большие проблемы, грозя провалом задания Незнакомца. На козлах повозки не осталось места, и Ти вместе с Гаем были вынуждены расположиться

на грузе, представляющем собой большие ящики из твердой древесины. Стук копыт дробью отдавался от брусчатки мостовой, тихое поскрипывание колес навевало дремоту. Юноша наблюдал за проносящимися вокруг него домами из под полуопущенных век, думая об их рискованном предприятии.

«Что будет, если их все же поймают? Их отправят в шахты, заставят целыми днями гнуть спины под ударами плетей или вовсе повесят на площади, как воров?»

В скованный дремотой ум сами собой проникли красочные образы сцены казни: вот он поднимается на эшафот, палач туго затягивает петлю у него на шее, хлипкая подставка ходит ходуном под ногами. Ти смотрит направо. Там, всего в паре футов от него, болтается тело Аллисии. Ее прекрасное лицо посинело, а карие глаза налились кровью. Она конвульсивно дергается, пытаясь освободиться, но уже слишком поздно.

Ти рывком очнулся от тяжелого наваждения. Похоже, он все таки заснул. Воспоминания о пережитом кошмаре отбивали всякое желание вновь засыпать, и он пролез вперед телеги, поближе к девушке.

Спустя пол часа езды по узким улочками повозка остановилась у здания в одном из бедных районов столицы. Дом был большим и в прежние времена, вероятно, принадлежал зажиточному торговцу, но, как известно, неумолимое время сводит на нет любые богатства, и теперь покинутое жилище было оставлено гнить, созерцая грязную улицу своими забитыми толстыми досками окнами.

Аллисия спрыгнула с козел и приблизилась к дому. Достав из-за пазухи блестящий ключ, девушка через несколько секунд отперла ржавый замок и распахнула двухстворчатую дверь. Внутреннее пространство напоминало пустынный пейзаж: внутри не было ни мебели, ни гор мусора, вообще ничего, даже некоторые стены были разобраны. Это не походило на дело рук мародеров, наверняка побывавших здесь раньше, по всей видимости, здание целенаправленно готовили под роль склада.

Один за другим тяжелые ящики перекачывали из повозки в дом. Работа выдалась нелегкой, и к ее концу все обливались потом, даже здоровяк Гай в изнеможении присел на крыльцо.

– Мы избавимся от следов, а вы уходите, – близнецы забрались в фургон, щелкнул кнут, и темнота предрассветного города скрыла их.

Гай попрощался с товарищами, также растворившись сизой мгле. Марк так и не появился. В Ти заиграло несвойственное ему любопытство, и юноша решил поподробнее рассмотреть ящики. Он зажег маленький фонарь, найденный раньше в повозке, и снова вошел в дом. Ящики не выглядели изготовленными на скорую руку в одном из сараев, они представляли собой массивные длинные хранилища с откидными крышками на кованых железных скобах. Ти повозился с защелками и вскоре откинул крышку у одного из ящичков.

Внутри располагались ровные ряды мечей, клинки выглядели совсем новыми, и если принюхаться можно было почувствовать запах оружейного масла. Взяв один из мечей в руки, Ти с удивлением обнаружил, что клеймо производителя, обычно расположенное на рукояти, отсутствует. На неопытный взгляд юноши, само оружие представляло собой отличный меч армейского образца и никак не походило на кустарно сделанный тесак, вышедший из под молота народных умельцев. Клинок отправился обратно в ящик, парень захлопнул крышку и вышел на улицу к ожидавшей его девушке.

Светало.

Ти шел рядом с девушкой по погруженному в предрассветный туман городу. Повсюду открывались двери, люди выходили из своих домов и отправлялись на работу. Откуда-то с соседней улицы повеял аппетитный запах пекущегося хлеба. Ти не ел с прошлого дня, и его живот предательски заурчал.

– Не хочешь перекусить? – это были первые слова, сказанные с того момента, как они покинули мрачный склад в трущобах.

– Давай, – девушка устало улыбнулась.

Через несколько домов располагалась небольшая пекарня. Булочную держала семейная пара, Ти хорошо знал хозяев так, как часто навещался к ним в детстве. Родители юноши могли позволить себе побаловать сына сладостями и сдобными булками, но бывало и такое, что пожилые пекари угощали кучерявого мальчугана бесплатно. Ти поздоровался с хозяевами, заметно постаревшими за эти годы, и купил пару булочек. Золотистые бока сдобы были помазаны маслом,

а верхушка состояла из меда с молотыми орехами. Только из печи они приятно грели руки, божественный аромат сводил с ума, возвращая желание жить.

- Тут недалеко есть площадь с фонтаном, поедим там?

- Идем, - Аллисия взяла Ти за руку.

Они шли, взявшись за руку, по погруженным в утреннюю прохладу улицам. Дневной зной еще не вступил в свои права, и приятный ветерок обдумал их лица. Показалась площадь. Она была совсем небольшой, во много раз меньше, чем Главный Форум города, а фонтан представлял собой скорее большую поилку для птиц, чем архитектурную композицию. Они расположились на одной из каменных лавочек по периметру площади и с аппетитом перекусили. Ти сидел рядом с Аллисией и смотрел на девушку. Даже сейчас, уставшая, немного растрепанная, она казалась самым прекрасным созданием на земле. Капли воды с фонтана сверкали алмазами на ее загорелой коже, а черные волосы впитывали свет солнца.

- Ты уверена, что мы не совершаем ошибку?

- О чем ты? - девушка удивленно посмотрела на Ти.

- Ну, я про сегодняшний день и раньше... Ты правда думаешь, что все это правильно?

Девушка все еще непонимающе смотрела на юношу.

- Склад и груз, который мы туда доставили - это не слишком?

- Нет, Ти, - Аллисия покачала головой. - Мы делаем все это во благо народа, на благо будущего нашей Республики. Сегодняшнее положение дел не может более продолжаться, рано или поздно что-то должно будет случиться, так зачем ждать?

- Но оружие, много оружия, сегодня мы провезли в город только одну партию, можно представить сколько таких же групп, как мы.

– Ну, конечно! Мы не одни в этой борьбе и только общими усилиями сможем что-то изменить.

– Мы думаем об одном и том же? – Ты перешел на шепот. – Вооруженное восстание в столице? Столько крови прольется, столько людей погибнет, разве нет другого пути?

Аллисия несколько секунд молчала. Птицы щебетали над их головами, перелетая с крыши на крышу, прохожие спешили по своим делам, и только они в вдвоем оставались недвижимыми в этом океане времени.

– А как по-другому? По-другому, – девушка выделила это слово. – Не получится. Сенат и все его псы понимают только язык силы, язык крови, язык жертв и плача. Они сами его используют и по-другому ничего не услышат. Если ничего не выйдет, если у нас не получится, всех недовольных и причастных повесят, чтобы запугать остальных и продлить свою подлую, лживую власть еще на несколько лет. – В глазах Аллисии полыхал гнев, и Ти отшатнулся, чтобы не вспыхнуть, словно стог соломы под искрами огнива.

– Возможно, по крайней мере я надеюсь на это, – продолжала девушка. Огонь в ее глазах потух, оставив после себя лишь пепел. – Спустя много лет, уже после того, как наше поколение обратится в прах, люди научатся что-то менять без смертей и рек крови, но... до этого времени так далеко...

Аллисия встала с каменной скамьи, где они сидели, и повернулась к парню.

– Через несколько дней будет еще одно собрание, ты обязательно узнаешь о нем. А сейчас мне пора, Ти.

– Я тебя провожу, – юноша тоже встал и хотел пойти за девушкой.

– Нет, извини, – девушка скрестила руки на груди. – Извини не сегодня, мне... мне нужно побыть одной. Увидимся, Ти. – Аллисия последний раз взглянула на парня и пошла по улице на юг.

Ти развернулся и побрел в противоположную сторону. Мыслей в его голове не было, лишь пустота клубилась в уголках разума.

– Эй, осторожнее!

Задумавшись, Ти не заметил, как врезался в угрожающего вида мужчину.

– Прошу прощения, – пробормотал юноша, но тот уже потерял к нему всякий интерес.

Ти оказался на одной из площадей столицы. Вокруг было полно народа, посреди форума на небольшой трибуне стояли два человека, ожесточенно споря друг с другом. Ему стало интересно, и он начал пробиваться сквозь толпу ближе к трибуне.

– ... новые земли, присоединяющиеся к Республике, становятся собственностью патрициев, простому народу ничего не достается. Людям нужна земля, которую они смогут возделывать! – один из спорящих размахивал руками перед лицом своего оппонента.

– Без сомнения, Республике нужны реформы, но нельзя превращать это в открытое противостояние, как поступил Юний! – другой оратор жестикулировал не менее ожесточенно.

– Юний сам из патрициев и думает лишь о своей власти, его не заботят проблемы плебса. Вы не слышали? Он хочет захватить всю власть без остатка! А тем временем все больше простых граждан становятся рабами из-за долгов, они на равне с грязными варварами работают в копях, рвут спины на галерах или просят милостыню на городских площадях. Патриции и Сенат – вот главные враги нашего государства!

– И что вы хотите?!

– Я хочу, чтобы народ сам управлял своим государством! Народные комиссии, собрания граждан должны управлять Республикой! – выпалил первый.

– Как ремесленник или землекоп может решать государственные проблемы?! Все ваши собрания через неделю станут похожи на скопища вопящих горожан. Воцарит охлократия – власть толпы, а после перерастет в олигархию, когда самые богатые загребут все себе!

– Народ не может ошибаться!

Люди, стоящие на стороне форума рядом с радикально направленным оратором, загудели.

– Вспомните, как все начиналось. Вон там, – продолжал второй политик, указывая на холм, видневшийся за западной стеной Рэма. Столбы солнечного света падали на зеленую вершину, словно колонны небесного храма. – На Священном Холме, когда Алхей только узрел эти земли почти тысячу лет назад. Он мог поступить, как предлагаете вы, мог оставить всю власть себе, ни один бы не выступил против! Но он поступил иначе! Алхей решил, что лучшие из граждан должны управлять Республикой, а не бездумная толпа!

– Сенат уже давно не лучшие из нас! Мы все чтим заветы Сына Богов, но Республика должна меняться!

– Вспомните прошлое! Вспомните «Обличение Трацита Цитисом» и сенатора Коллиуса, борющегося за права плебса, они ведь тоже были патрициями!

– И где сейчас сенатор Коллиус? А? Никто нам не поможет, если мы сами не возьмем то, что хотим! – на секунду оратор замолк, с прищуром посмотрев на оппонента. – Сколько вам заплатит Сенат за подобные речи, за сколько вы продали народ!?

– Не несите чушь! Вы безумны, как и ваши идеи! Уподобились дикарям, грызущий свиные члены на завтрак!

– Ах ты ублюдок!

Первый оратор накинулся на оппонента с кулаками. Люди кинулись поддерживать своих избранников, и на форуме закипела потасовка. Горожане молодили друг друга, понося противников используя выражения трущобных районов и ругательства, заимствованные у этих самых дикарей.

Ти не участвовал в этом. Он просто пожал плечами, развернулся и пошёл домой.

«Политика... что с нее взять...» – думал юноша, удаляясь от площади.

Несколько дней почти ничего не происходило. Горожане вели обычную жизнь; торговцы – предлагали товары на форумах; кузнецы ковали подковы; актеры выступали в амфитеатрах. Для всех в столице война все еще была где-то далеко на севере, и ее присутствие ощущалось лишь по увеличению цен на продукты и по разговорам на улицах. Повсюду в городе говорили о гражданской войне. После того, как это словосочетание произнес один из сенаторов на форуме, с него словно спало табу, и теперь эти два слова звучали из каждого дома и переулка.

Отец Ти возвращался со службы все позже и позже, а бывали дни, когда заветные шаги раздавались лишь утром. Служба во втором отделе магистрата – Скрибос не была легким делом. Этот отдел занимался всеми административными, хозяйственными и прочими вопросами, что в результате выливалось в огромный бюрократический механизм. Хоть Скрибос и был самым большим отделом как по численности советников, так и по объему работы, но это не делало его самым важным. Беллос – первый отдел занимался вопросами снабжения легионов и всем с этим связанным. Существовала и третья – самая закрытая часть магистрата – Опос. Отдел внутренней безопасности Республики. Контрразведка, охрана порядка в столице и производство дел особой государственной важности, все это входило в круг полномочий третьего отдела.

В один из вечеров глава семьи вернулся раньше обычного и, опустившись в кресло, подозвал сына к себе. Приблизившись, юноша заметил, как изменился отец за эти дни. Тит Улий Старший, казалось, постарел на несколько лет, под глазами залегли глубокие морщины, а на висках пробилась седина.

– Садись, Тит, – отец указал на стул рядом с собой.

Ти занял указанное место и приготовился слушать. Хоть во многом юноша и не соглашался с отцом, но безмерное уважение, которое он испытывал к этому человеку нельзя было списать лишь на принятые в Республике традиции почитания старших.

– Уверен, ты знаешь, что происходит в стране... ну, конечно, все об этом говорят... но я хочу тебя кое о чем предупредить. Мой товарищ из Опоса рассказал, что по их данным за последние дни сильно возросла активность бунтарей, сепаратистов и прочей погани. Столица буквально забурлила с момента начала всего этого безумия, – глава семейства выдержал паузу.

- Да, пап?

- Я хочу попросить тебя быть осторожным, пока все не закончится. Хорошо? - закончил Тит Старший.

- Да, хорошо, - выдохнул Ти.

После первых слов отца юноша подумал, что стало известно о его непосредственном участии в подобной группировке и не на шутку занервничал.

- Вот и отлично. Я знаю, ты умный парень и не будешь лезть в неприятности, - отец похлопал юношу по плечу и отправили на кухню, откуда раздавался аппетитный аромат еды.

«Похоже, что недостаточно умный...» - с грустью подумал Ти.

Создавалось впечатление, что всеобщая тревога меньше всех действовала на сестру Ти. Мара казалась все такой же веселой и жизнерадостной, но юноша не мог не заметить тень печали, накрывающую красивое лицо сестры в те моменты, когда кто-нибудь рядом начинал разговор о войне. До этого очень общительная она, словно отгораживалась от мира, устремляя взгляд внутрь себя.

В тот вечер Мара была дома. Девушка уже второй час вела ожесточенную борьбу со своим братом в табуле - настольной игре, очень популярной в Республике. В этом ей не было равных, даже Ти, считавший себя неплохим игроком, в лучшем случае выигрывал три из десяти партий. Проиграв очередную, юноша со стуком отбросил игральные кости и откинулся на подушки.

- Ты же обещал потренироваться немного? Скоро с тобой будет совсем неинтересно играть, - в глазах Мары плясали озорные искорки.

- У меня нет времени на игры, - буркнул Ти, делая безразличный вид.

- Все время уходит на эту... как ее там зовут? Альма?

- Аллисия.

- Да, да Аллисия. Кстати, что-то давно ты с ней не виделся. Вы что, поругались?

- Она не моя девушка, и я не знаю, где она.

- Ну и дурак! Чего ты ждешь? - Мара разложила фишки по местам и убрала игральную доску.

- Все не так просто... Особенно в такое время.

- А причем тут время? Ты же не солдат и... Братик, куда ты постоянно ходишь и возвращаешься только под утро, если не проводишь время с кареглазой?

- Неважно, это мое дело.

Внимание Ти привлек стук в окно. Юноша приблизился к источнику звука и увидел голубя, сидящего на подоконнике. К ноге птицы был пристегнут крохотный кожаный чехол, в каких обычно передают письма. Открыв ставни и отцепив записку от птицы, Ти выпустил голубя обратно на улицу и вернулся к подушкам на полу комнаты. На листке было нацарапано всего несколько слов.

«Сегодня. Час после заката. Место. Сожги. М.»

Ти сунул записку в карман и поднял взгляд.

- Что там у тебя? - было видно, что Мару буквально снедает любопытство.

- Ничего важного.

- Это от нее? - не отставала сестра.

- Да, от нее.

- Врешь, была бы от нее, не сказал бы.

- Все, надоела, - Ти поднялся с подушек и пошел в свою комнату. До заката оставалось еще несколько часов, и стоило попытаться поспать, возможно, ночь

будет долгой.

После того как стемнело, Ти тайком выскользнул из дома и направился к указанному месту. Насколько он мог судить, никто из домочадцев не заметил его ухода, но больше всех его беспокоила сестра. Все усиливающееся любопытство Мары касательно его дел с группой могло вылиться в большие проблемы для них обоих. Но, к счастью, поводов для паники не было, и он решил не забивать себе голову этим вопросом, по крайней мере, пока.

Юноша пробирался по погруженному во тьму городу, когда внезапно до его слуха донесся звон разбитого стекла, сопровождающийся пронзительным криком. Ти остановился, вжавшись в стену одного из зданий. Через пару секунд вопль захлебнулся хрустом, и все затихло.

Ти выглянул из-за угла, стараясь не выдать свое присутствие неосторожным движением. В неровном свете чадящего фонаря лежало тело. Немолодой мужчина в добротной одежде растянулся на камне улицы спиной к юноше. Он не мог видеть его лица, но судя по багровой луже, растекающейся вокруг разбитой головы – он был мертв. Нога несчастного конвульсивно дергалась, словно пытаясь убежать, не зная, что ее хозяин уже никуда не пойдёт.

– Вот ублюдок! – взревел голос откуда-то из темноты. Юноша инстинктивно отпрянул за угол. – А казался приличным лавочником! Всего пятьдесят сестерциев!

– Да насрать, на девку и вино хватит, – ответил другой. – Все равно он получил по заслугам, можно представить сколько он наживался на четных людях.

– Сколько?

– Да, много, – раздраженно ответил второй голос. – Все эти лавочники – лжецы и мошенники. Берем что можем и подпаливаем все!

Послышалось шуршание, приглушенные ругательства и удары. После на стене соседнего дома заплясали оранжевые отбелки, а вдалеке раздались торопливые шаги.

Ти снова взглянул из-за угла. По небольшой лавке, до этого скрытой в тени, разливалось пламя. Огоньки перескакивали с предмета на предмет, и вскоре уже все помещение было объято огнем. Тело мужчины перестало дёргаться и теперь мирно лежало, созерцая разворачивающуюся картину уцелевшей частью лица. Из далека слышались крики. Ти развернулся и пошел дальше.

Ночь для него только начиналась.

С закатом солнца беднятские кварталы роились сомнительными личностями. Тусклый свет факелов играл на бледно-румяных лицах проституток. Продажные женщины стояли поодиночке или группками у стен домов, они тянули руки к проходящим людям, предлагая свое тело. Тени скользили по своим делам под аккомпанемент тихого позвякивания металла. Из черных зевов подворотен и переулков тянулся сладковатый дымок. Хриплый полубезумный смех, сопровождающийся постоянным тревожным гулом, составлял музыку этого места.

Сегодня дорога до нужного дома заняла меньше времени, чем в прошлый раз. Ти подождал пару минут в переулке, чтобы убедиться в отсутствии слежки, и вошел в здание. Как всегда у входа дежурил Филипп. Все время их знакомства Ти хотел спросить у парнишки, выходит ли он когда-нибудь на улицу? Но большой необходимости в вопросах не было – тусклые голубые глаза и «стеклянные», жидкие волосы говорили сами за себя.

Подвальная зала выглядела все также мрачно. Похоже, Ти пришел одним из первых и теперь оставалось лишь ждать остальных. Аллисия была уже на месте, стояла, опершись о стену в дальнем конце комнаты. Ти попробовал заговорить с ней, но девушка прервала разговор, заверив юношу, что они побеседуют позже. Следующими в подвал зашли братья-близнецы и, как обычно не здороваясь, заняли свои места за столом. Последним прибыл здоровяк Гай. Еще полчаса ожидания прошли в гробовом молчании, даже обычно разговорчивый Марк был нем. Через некоторое время из тоннеля, ведущего в подвал, показались лучи света, и вскоре в помещение вошел человек с седыми волосами и гигант-дикарь следом.

Похоже, сотрудничество налаживалось. Незнакомец подошел к столу и без лишних предисловий заговорил:

- Вы неплохо справились - груз цел и невредим.

- Конечно, а вы сомневались? - с вызовом спросил Марк.

- Сомневаться - это моя работа, если бы я не сомневался во всем, что меня окружает, то давно бы лишился головы, - Незнакомец ухмыльнулся. - Хорошая работа, вы подтвердили свою пригодность. С вами можно работать и переходить к более серьезным вещам, чем контрабанда нескольких ящиков через ворота с подкупленной стражей.

- Что вы хотите? Говорите прямо, я думаю мы доказали верность общему делу, - сказал один из братьев, но кто именно из Линсов, определить было трудно.

- Доказали верность... - сухой голос Незнакомца царапал воздух. - Верность нельзя доказать, ее можно лишь заслужить, но сейчас это не важно... Ваше следующее задание - устранение одного из советников Магистрата. Этот человек сделал многое для того чтобы помешать нашим планам, из-за него десятки наших товарищей отправились на плаху и рудники. Мы должны убедиться, что он больше не будет помехой.

- И как его имя? - спросил Ти пересохшим горлом.

- Гораций Нерий. Он живет в богатом квартале - слишком большая роскошь для служащего его класса, говорят, он водит дружбу с сенаторами и политиками.

- У него будет охрана? - вступил в разговор Марк.

- Да, двое телохранителей, но я подкупил слуг, они подмешают в вино снотворное. Вот карта, по которой вы сможете отыскать его дом, - с этими словами незнакомец кинул на стол свернутый в несколько раз кусок пергамента. - После выполнения задания... если вы его выполните, я с вами свяжусь.

Незнакомец развернулся и пошел по направлению к тоннелю, варвар-исполнин следовал за ним по пятам, словно гигантская тень.

– Ну, дела... – выдохнул Гай, похоже, что за время всего разговора он почти не дышал.

– А вы ожидали чего-то другого? – Марк обвел всех взглядом. – Вот он – реальный шанс покарать человека, прямо ответственного за все беды нашей страны.

– Да... – Ти стыдно было признавать, но он обрадовался, когда Незнакомец произнес не имя его отца.

– Нам надо подготовиться, – Аллисия подняла оставленные незнакомцем бумаги. – Здесь карта дома – это хорошо... Надо разработать план и распределить роли для каждого.

– Правильно, – вступил Марк. – Значит так, братья заходят со стороны сада...

«Боги, во что я ввязался...» – с горечью подумал Ти.

VII

Квинт Марий.

Провинция Велерия.

Лагерь лояльных Сенату легионов.

Палатки новой центурии Квинта располагались в южной части лагеря. Легионер сопровождал его до одной из них и, отдав честь, ушел, чеканя шаг. Видимо, солдат пытался исправиться после неприятного для него инцидента у шатра легата.

Из большой палатки, рассчитанной на десять человек, доносились разговоры и смех. Солдаты, свободные от труда и тренировок, отдыхали. Центурии делились на десятки, и в каждом из них был свой командир, отвечавший за дисциплину в

своем подразделении. Квинт несколько секунд подождал на входе и, собравшись с мыслями, вошел под полог палатки. Хотя официальный приказ о его назначении еще не получен, стоило сразу показать солдатам кто командир. Главное в этом деле не перегнуть палку, и Квинту это было известно.

Внутри царила атмосфера, присущая любой солдатской казарме. Несколько человек чистили и подгоняли доспехи, двое спали, оглашая пространство вокруг оглушительным храпом, оставшиеся кидали кости. При появлении Квинта, все еще одетого в доспехи с отличительными знаками центуриона, игроки смели свои принадлежности под плащ и застыли с самым невинным видом.

– Солдаты! – рявкнул Квинт, и все присутствующие мигом подскочили до потолка палатки, вытянувшись по струнке.

«А с выучкой у них все хорошо, а ну да, я же теперь команду центурией в элитном легионе» – подумал Квинт.

– Мое имя – Квинт Марий, и с сегодняшнего дня по приказу легата – Кальвуса Корилла, я ваш центурион, – Квинт выдержал паузу для большего эффекта. – Во всей армии великой Республики, говорят, что «Бурый» легион – самый лучший и, надеюсь, что это правда. Вместе мы сможем служить Республике и умереть, если понадобится!

– Да, центурион! – грянули солдаты. Они еще не совсем осознали происходящую ситуацию, и Квинт позволил себе немного слухавить по поводу даты назначения.

– Кто десятник?

– Я! Гай Мур, – высокий солдат с плечами атлета выступил вперед.

– Десятник Гай, оповестите всю центурию о том, что завтра на рассвете жду всех на тренировочном поле за лагерем в полном боевом обмундировании.

– Так точно!

– Всем вольно, – Квинт развернулся и вышел из палатки. Первое знакомство прошло, как надо.

Лучи закатного солнца падали на лагерь, окрашивая белую ткань сотен палаток в оранжевый. Солдаты возвращались с работ и шли ужинать. Наступало наиболее мирное время, если такое слово, конечно, вообще можно применять к армейскому лагерю. В такие моменты нервы, натянутые свыше предела днем, можно было ослабить за беседой с товарищами и кружечкой разбавленного вина. Квинт понял, что давно не ел и вместе со всеми поплелся к полевой кухне.

Внезапно, он ощутил хлопок по правому плечу. Обернувшись, Квинт увидел Кая, смотревшего на него с улыбкой.

- Ну как, познакомился со своими людьми?

- С несколькими, они расскажут все остальным. Завтра думаю погонять их немного, проверить слабые места и укрепить боевой дух, так сказать.

- Значит очень удачно, что я поторопил бюрократов с оформлением приказа о твоём назначении. Вот держи, - Кай протянул Квинту свернутый пергамент с печатью легата XII легиона и новые отличительные знаки центуриона пятнадцатой центурии третьей когорты. - Смотри, не сильно загоняй их там.

- Не учи всадника в седле держаться. Элитный вы легион или нет?

- Теперь не «вы», а «мы», дружище. Поздравляю со вступлением в славный «Бурый» легион, брат, - хохотнул Кай.

- Пойдем, поужинаем, весельчак. Умираю с голоду.

- Идем, конечно, тем более надо отметить твоё назначение! У меня бутылка вина завалилась...

- Идея неплохая, следует её обдумать!

- За этим вином, я так предполагаю?

- Ну, конечно, как может быть иначе? Веди, - Квинт спрятал приказ о назначении под доспех и пошел следом за другом.

На рассвете Квинт вышагивал перед строем своей центурии на тренировочном поле за лагерем. Обойдя шеренгу закованных в броню солдат, Квинт подозвал к себе опциона.

– Флавий Мерцелл – опцион пятнадцатой центурии третьей когорты двенадцатого легиона прибыл! – отрапортовал легионер.

– Рад познакомиться, Флавий. Долго ли ты служишь Республике в звании опциона?

– Шесть месяцев!

– Очень хорошо, значит, основы ты знаешь. Надеюсь, ты им и останешься, а в будущем станешь центурионом и продолжишь служить Республике в этом звании.

– Я тоже надеюсь, центурион!

– Вот и славно, – Квинт улыбнулся. С новым подчиненным необходимо наладить теплые отношения, но, конечно, ни в коем случае не дружеские. Панибратство в своем подразделении он не потерпит.

– Центурия, в колонну! По пять во фронт! – скомандовал Квинт. Через несколько секунд приказ был выполнен, солдаты заняли положенные места и застыли в ожидании дальнейших распоряжений.

«Похоже, мой предшественник уделял достаточно внимания строевой подготовке, отлично. Движения, доведенные до автоматизма на тренировках, не отнимут лишних секунд в бою, где любое промедление может стоить жизни» – подумал центурион, мысленно улыбаясь, но внешне его лицо выражало лишь суровое одобрение – лучшая похвала для солдат от строгого командира.

Квинт занял место во главе колонны солдат и скомандовал начало движения. План тренировки на сегодня не отличался особой изощренностью, но был призван показать чего стоят его люди и определить слабые места центурии. Ускоренный марш в несколько миль по пересеченной местности с динамическими перестроениями помогут в этом.

Центурия покинула пределы тренировочного поля и теперь приближалась к небольшой речушке. Квинт заметил вдалеке другие подразделения, отрабатывающие маневры.

- Черепаха! – командовал Квинт.

Строй солдат уплотнился, передняя линия выставила большие щиты перед собой, а бойцы за ними подняли их над головой, прикрывая себя и товарищей. Некая заминка произошла в девятом десятке. Причина, возможно, была в том, что солдаты не ожидали приказа, но бой сам по себе непредсказуем, и со всеми проблемами необходимо разобраться в ближайшее время. Квинт сделал заметку у себя в голове и повел людей вброд через речку по направлению к редкому лесу на другой стороне. Не доходя до линии деревьев десятков шагов, Квинт командовал:

- Отразить кавалерию с фронта!

Солдаты были готовы и, не медля ни секунды, растянулись в три линии. Первая уперла щиты в землю, выставив копья на уровень груди лошади, вторая закрыла щитами товарищей из первой линии и нацелила копья в грудь предполагаемому атакующему кавалеристу. Третья линия была резервной, солдаты находящиеся там должны были при необходимости заменить своих товарищей из первых двух. Результат вполне удовлетворил Квинта. Солдаты достойно показывали себя при перестроении, и новый опцион Квинта также вселял надежду. Одной из его главных задач, кроме передачи команд, была заменить на поле боя раненого или убитого командира, благодаря этому подразделение не теряло боеспособность даже при смерти центуриона.

Квинт повел своих людей по редкому лесу, он хотел убедиться, что центурия не теряет строй даже на сложной местности.

- Противник справа, перестроиться!

Подразделение, двигавшееся по лесной дороге, развернулось, офицеры заняли новые места, сигнифер, несущий эмблему подразделения, отошел вглубь построения, а солдаты оцетинились оружием. Квинт и сейчас остался доволен. Решив, что на сегодня достаточно, центурион повел своих людей в лагерь круглым путем.

Прибыв как раз к обеду, Квинт обнаружил, что люди относятся к нему с уважением. Это было не только уважение легионера к центуриону, солдаты понимали, что командир испытывал их возможности, чтобы в будущем грамотно оценить силы и тем самым спасти их жизни. И люди это ценили. Даже больше преданности Республике простые солдаты ценят свои жизни, ведь в конечном итоге на поле боя ты забываешь о политике, отечестве, долге, все мысли заняты лишь одним – желанием выжить.

Всю следующую неделю Квинт тренировал своих людей, конечно, солдаты элитного легиона не нуждались в обучении азам боя и тактики, но он должен был «подогнать» новую центурию под себя, словно меч подгоняют под нового владельца. Между человеком и оружием формируется связь, они становятся единым целым, продолжением друг друга. И как сам Квинт являлся оружием в руках Республики, так и его люди – это меч в его руке. Центурион должен быть уверен в нем, уверен, что сталь не сломается под напором врагов, что клинок не поведет в сторону, что его рука не дрогнет.

К концу второй недели лояльные Сенату силы прибыли в Велерию. По подсчетам Квинта, они составляли семь легионов, не считая гарнизонов пограничных фортов и вспомогательных войск. Легаты ожидали приказов от «Меча Республики», но дни шли, а их все не было. С момента последнего разговора с Кайем больше недели назад, Квинт не видел его. Похоже, что трибун был чрезвычайно занят, занимаясь делами – служба в легионе «Меча Республики» создавала дополнительные трудности. Но в один день, во время возвращения Квинта с очередной тренировки, Кай сам встретил его у палатки и, улыбнувшись, пошел на встречу:

– Здравствуй, ну как проходит знакомство с твоими новыми людьми? – синяки под глазами Кая походили на спелые сливы, только собранные с дерева.

– Продуктивно. Ты плохо выглядишь.

– Да, много важных поручений, знаешь ли обязанности трибуна не такие, как у центуриона – помахал мечом и на обед, – Кай устало улыбнулся, потирая воспаленные от усталости глаза. – Насчет изменников, завтра легионы выступают, Корилл решил не действовать одним объединением войск, а разделить их для защиты большей территории. Нам необходимо отрезать Юния от ресурсов, чтобы они все сдохли с голода. Наш легион выступает на север.

Аграрный городок под названием Ситс поднял мятеж, присоединившись к Юнию. Нам необходимо прибыть туда раньше сил противника и не допустить пополнения их припасов.

– Мудро, похоже, Корилл знает, что делает.

– Остальные части плана я разглашать не могу, но знай, что как бы не был хорош в стратегии Юний, у нас есть, что противопоставить ему. А теперь извини, масса дел.

Кай развернулся и пошел в сторону претории лагеря.

«Что же, вот и представится шанс узнать чего мы стоим и, похоже, в ближайшее время» – подумал Квинт.

Кальвус Корилл возглавил свой легион, отдав приказ выступать к небольшому городку Ситс. За время марша не произошло ничего выбивающегося за рамки обыденности. Солдаты просыпались, маршировали до вечера, разбивали лагерь, и все повторялось.

Ночью одного из дней похода поймали нескольких шпионов противника, всех их казнили еще до рассвета. По мере продвижения на север погода становилась все хуже. Периодически холодный дождь накрывал марширующих солдат из-за чего им приходилось кутаться в плащи, гром и удары молний пугали лошадей, наполняя воздух озоном и ржанием. Даже не смотря на весну, Боги, видимо, не собирались одаривать человека благодатью на суровом севере.

Если наблюдать за городом Ситс с холма, он напоминал уложенные в ровные ряды кирпичики с прямыми, как клинки, улицами между ними. Здесь и там виднелись ветряные и водяные мельницы, что для города, существующего за счет аграрного хозяйства, являлось нормой. В этом поселении воплотились современные стремления в архитектуре и жизни людей Республики – склонность к упорядоченности, цивилизованности и гармонии. Хотя бы внешне...

В день когда легион Квинта прибыл в зону прямой видимости города, произошла стычка с конными разъездами противника. Серьезных потерь не было ни у одной из сторон, но теперь противоборствующие легаты знали о присутствии друг друга. Арьергарды и патрули усилили, все были готовы к бою, держа оружие и

доспехи наготове. В легионе объявили, что они атакуют город на рассвете.

Квинту снился отец, в последнее время он все чаще являлся центуриону во снах. Обычно старый легат поучал своего сына, давал советы, наставления, как командовать солдатами, как лучше всего планировать атаку, как организовывать отступление. Отец в равной степени уделял внимание как атаке, так и отходу. Он всегда говорил:

«Как бы идеально не было спланировано наступление, единственная мелкая деталь, порой даже независимая от командира, может изменить ход боя, и тогда твоя жизнь и жизни твоих людей будут зависеть от дальновидности и готовности к худшему.»

Но сегодня Луций Марий – командующий двадцатого легиона сидел напротив сына в командирской палатке легиона и молчал. Отец молча смотрел на сына своими усталыми карими глазами. Квинт еще в детстве именно так описывал отца у себя в голове – человек наделенный властью, которого уважали солдаты, боялись враги и почитали в Республике, но с вечно уставшими глазами. И вот сейчас он смотрел на Квинта этими глазами и молчал. Квинт пытался заговорить, спросить у отца почему он молчит, но не мог. Он открывал рот, пытаясь произнести слова, выдавить из себя хоть один единственный звук, но из горла выходил лишь воздух, не обогащенный речью.

Квинт проснулся на рассвете в своей палатке. Вокруг царила неразбериха. Солдаты выбегали из казарм, облачались в доспехи, проверяли оружие и шли на завтрак. Что в королевской армии Астии, что в войске Мерийского султана, что в дружинах северо-западных княжеств и, конечно, в легионах Республики существовал неписанный закон – солдаты должны идти на смерть сытыми. Пусть командующий ценит запас стрел и мечи выше человеческих жизней, но даже он не отправил бы людей в бой голодными.

Впереди атакующих войск всегда шла легкая пехота. Солдаты, вооруженные короткими мечами и метательными дротиками, одетые в легкие кожаные доспехи, должны были разведывать местность и предупреждать о засадах противника двигавшуюся за ними тяжелую пехоту. Когорты легиона остановились примерно в трехстах шагах от первых зданий города. Начавшийся дождь мерно барабанил по доспехам легионеров, капли падали на шлемы, скатывались по ним, просачиваясь за воротник. Люди переминались с ноги на ногу, пробовали легко ли меч покидает ножны, поудобнее брали щит и снова

замирали. Квинт стоял перед своими людьми и думал о сегодняшнем сне. Не смотря на все попытки выкинуть его из головы, силуэт отца в командирской палатке и молчание, повисшее в воздухе, не давали ему сделать этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tokarev_egor/zhrebiy-broshen

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)